

P. o. germ. 2097 c-4.

<36611885400013

<36611885400013

Bayer. Staatsbibliothek

 N 115.
ТЕРПИМОСТЬ

**И
ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ,**

**ИЗОБРАЖЕННЫЯ
ВЪ ТРОГАТЕЛЬНЫХЪ
ПОВѢСТЯХЪ.**

Сочиненія Г. Эккартсгаузена.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

~~~~~  
**ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.**

~~~~~  
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

~~~~~
МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1 8 1 7.

Съ одобренія Универси-
тетской Ценсурь.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

20/21/1960

IX.

ИЗИСЪ и ТИРА.

Не столько пролило крови на жертвенникахъ Сапур-
новыхъ, и никогда не было
человѣчеству такъ унижено во
храмѣ Тейшаповомъ, какъ уни-
вилъ его Магомешъ. — Сей об-
манщикъ, являсь въ Азіи и вы-
давая себя за пророка Всевыш-
няго, имѣлъ намѣреніе покорить
себѣ Аравію своими хитростя-
ми, или изшребитъ обиташе-
лей ея.

Природныя дарованія сего
злобнаго лжеца доставляли ему
успѣхи; онъ извлекъ мечъ свой—

Часть IV.

А 2

и щасливые успѣхи повергли всю Азію къ ногамъ его.

Онъ увѣрялъ, что носилъ луну въ рукавъ своемъ; но естественный разумъ человека опровергалъ сіе: тогда началъ доказывать это мечъ его, и Арабы препешали и — вѣровали.

Калифы и первые Чиновники, окружавшіе Султановъ, были спращные люди. Духъ изпребленія, вдохнутый въ нихъ Магометомъ, наполнялъ сердца ихъ, а фанатизмъ и варварство угнѣтали народъ. Они вооружились симъ двойнымъ кинжаломъ — и передъ ними препешали не только Арабы, но и самые Европейскіе Монархи.

По Албуфедасовой досто-вѣрной Исторіи Мусульмановъ и по изчисленіямъ Абульфрага,

мечты Магомета и истины Алкорана его утверждены были убійствомъ трехъ миліоновъ человѣкъ, принесенныхъ въ жертву жестокости сего лжепророка. Неизъяснима была свирѣпость Мусульмановъ противъ всѣхъ тѣхъ, кои не принимали ученія Магомешова. Въ сіе-то ужасное время родились Изисъ и Тира — милыя изображенія природы и любви. Изисъ былъ прекраснѣе всѣхъ юношей, а Тира милѣе всѣхъ дѣвушекъ; они росли какъ два цвѣточка, и въ невинности наслаждались бытіемъ своимъ. — Мулибепъ и Орипона были родители ихъ, столь же добрые, какъ природа, и также благодѣтельны, какъ солнце. Они жили въ уединенной странѣ Аравіи, поклонялись Божеству, которое узнавъ научило ихъ

сердце, дѣлали добро и были щасливы, Изисъ и Тира, залогъ любви ихъ, были ихъ радостію, — и они наслаждались чистѣйшими удовольствіями жизни.

Мулибешъ вкушалъ такое щастіе до тридцатого года своей жизни, какъ вдругъ ученіе и жестокость Магомешовы похищали спокойствіе его: онъ долженъ былъ вѣровать въ пророка, котораго внутренно презиралъ. Нѣтъ! не буду поклоняться сему обманщику! сказалъ онъ: Орипона, оставимъ мѣста, въ которыхъ мечъ возвѣщаетъ законы Божескіе.— Мулибешъ и Орипона убѣждали вмѣстѣ съ Изисомъ и Тирою; но ихъ настигли, и они сдѣлались жертвою гнѣва. Бѣдная Тира была разлучена съ братомъ своимъ, а Изисъ отданъ

Факиру для наставленія въ вѣ-
рѣ.

Тамъ жилъ Изисъ до двад-
цатаго года своей жизни и часто
думалъ о бѣдныхъ своихъ роди-
теляхъ и о Тирѣ; онъ внутрен-
но ненавидѣлъ всѣхъ, кои при-
лѣплялись къ ученію Магометову
и въ часы ночнаго уединенія
проливалъ горькія слезы надъ
прахомъ своего родителя; онъ
поклялся отмстить Магомету
за его жестокость. Муликою
назывался Факиръ, у котораго
жилъ Изисъ, и котораго чернь
почитала божествомъ. Родъ
жизни его былъ самой строгой:
онъ пишался одними кореньями
и правами, излурялъ шѣло свое
и сиживалъ днемъ на жару сол-
нечномъ. Говорили, что ему
помогалъ Ангелъ Магометовъ,
и что онъ имѣлъ даръ пред-
сказывать будущее. Народъ бѣ-

жалъ къ нему толпами, цѣловалъ слѣды ногъ его и шѣ пороги, коимъ онъ касался; ему предлагали множество подарковъ, но служитель пророка не принималъ ихъ. Ангелы во время ночи приносили пищу на небеса, и Факирь говорилъ, что Божество принимало ее въ жертву.

Обманщикъ легко ослѣпляетъ недальновидный взоръ народа, и покарываетъ слабый духъ многочисленной толпы. Фанатизмъ, главнѣйшая подпора его, налагаетъ оковы на разумъ и вооружаетъ сердце противъ истины; но есть многіе, которыхъ острый взоръ проницаетъ сквозь мракъ ночи, а въ сердцѣ никакая сила не въ состояніи изгнать лучей истины; есть души, которыя окружены чи-

спѣйшимъ свѣтомъ , и видяшъ
ее во всемъ блескѣ. Юный Изисъ
имѣлъ уже сіе чувство исти-
ны , котораго не могъ изпре-
бѣть никакой страхъ , и не
въ состояніи былъ поколебать
никакой Софистъ ; — сердце
его прошивилось всякому обма-
ну. Съ презрѣніемъ смотрѣлъ
онъ на Дервишей , верпящихся
на цыпкахъ , подобно кубарямъ ,
и на печальныхъ Календеровъ
въ покойныхъ рубищахъ. Его
не устрашала звукъ оружія
обмануемыхъ Мусульмановъ ; его
не ослѣпляли обѣщанія Проро-
ка ; онъ смѣялся надъ обманомъ
и сердечно сожалѣлъ о сихъ
несчастныхъ мечтателяхъ. Я
хочу обличить обманщиковъ ,
сказалъ онъ : хочу опмстить
имъ за Мулибеша , за Орипону
и за Тиру , милую сестру мою ,
драгоценнѣйшій даръ Неба ,

которой похитили у меня жестокіе.

Скоро сдѣлалъ Изисъ важныя отккрытія. Взоръ его старался всегда проникнуть сквозь искусственный шуманъ, скрывающій таинства Магометовы, а проницательность показала ему разные слѣды къ тому. Особенно удивительны казались ему жертвы, которыя легко-вѣрный народъ приносилъ Божеству. Какъ, думалъ Изисъ: Тотъ, Кто все сотворилъ, отъ Котораго отеческой десницы человѣкъ получаетъ свое пропитаніе, и отъ Котораго все происходитъ, станеть питаться дарами человѣческими — кровавыми жертвами? — Тотъ, Которому повинуются миліоны звѣздъ и Кто солнцу далъ свѣтъ его, станеть упѣщаться золотомъ и блестящими ка-

мнѣми, подобно слабому, безразсудному челоуѣку, копорой приносишь Ему оныя въ жертву? — Невозможно! Вѣчное Существо! я не могу такъ о Тебѣ думать! Однакожь наши Факиры и Дервиши, копорые ведутъ безпримѣрно спрорую жизнь, никогда не ѣдятъ и не пьютъ, также здоровы и толсты, какъ и самыя богатѣйшіе Эмиры. Не понимаю. Либо они правы, и Магомешъ пишетъ ихъ своимъ духомъ, или — — они обманщики. Они говорятъ, что Ангелы проковы берутъ кушанье по ночамъ и относятъ его къ Божеству; мнѣ должно это видѣть и узнать истину.

При наступленіи ночи, какъ скоро Изисъ могъ обмануть бдительность своихъ стражей, онъ произвелъ въ дѣй-

ство свое намѣреніе и спрятался въ углу огромной мечети, въ которой приносимы были жершвы.

Онъ не долго еще былъ шупъ, какъ вдругъ открылся полъ по срединѣ мечети, и двенадцать Факировъ вышли изъ - подъ земли; Мулика былъ первый изъ нихъ. Они принесли сосуды и покалы, и выставили ихъ на споль. Освѣтивъ великолѣпно всю мечеть, служители Пророка разположились на мягкихъ софахъ и пресыщались жершвами, принесенными народомъ.

Изисъ долженъ былъ употреблять всѣ силы, ччтобы преодолѣть свою ярость и не обнаружить ее прежде времени. Съ сердечными вздохами приносилъ онъ молишвы Божеству. „О Ты, превѣчное Суще-

ство, содержащее въ десницѣ Своей Сѣверъ, Югъ и всѣ безчисленные міры! проспри взоръ Свой на сихъ беззаконныхъ, оскверняющихъ имя Твое и скрывающихъ пороки свои за священными Твоими жертвенниками, брось молнію Твою на сихъ злодѣевъ, разрази ихъ и явись ослѣпленнымъ челоѣкамъ во всемъ Твоемъ блескѣ!“

Гнѣвъ Изиса еще болѣе увеличился, когда они начали осушать полные покалы вина, которое и самый Пророкъ спрото запрешилъ пить послѣдователямъ своимъ. Онъ увидѣлъ лежащими безъ чувствъ ихъ, которые столь часто и съ такимъ жаромъ воспавали противъ нарушенія сей заповѣди, и со всею жестокостію наказывали слабыхъ, пресупавшихъ оную.

Часть IV.

Б

Вино сдѣлало ихъ говорливыми и оспроумными. Они начали между собою шутить надъ простою Мусульмановъ, копорые шоль охотно принимали самую низкую ложь за истину, опъ всего сердца вѣрили Пророку, и обожали всѣ обманы ихъ.

Сполъ ихъ кончился; подлые лицемѣры, взявъ съ собою сосуды, удалились чрезъ то же самое опверзше, чрезъ копорое вошли въ мечеть, и Изисъ оспался одинъ, погруженный въ размышленія.

Въ безмолвномъ удивленіи долго еще споялъ онъ неподвижнымъ, прежде нежели могъ придти въ себя и осмѣлился сдѣлать нѣсколько шаговъ. Не сонъ ли это былъ? сказалъ онъ послѣ нѣкопораго молчанія: не обманчивая ли игра воображенія?

Нѣтъ! я видѣлъ не во снѣ, а на самомъ дѣлѣ! — А! служители Аллы, хранители шаинспвѣ его супъ обманщики и лицемѣры! — — Но что мнѣ дѣлать? Долженъ ли я молчать, или, какъ скоро разсвѣнетъ, выдти на площадь, сказать народу все, что видѣлъ и опровергнуть глаза обманываемымъ? — Такъ, такъ! сдѣлаю это! — Нѣтъ, удержишь, пылкой юноша! — Повѣрятъ ли еще тебѣ? Не покорились сіи обманщики сердца такъ, какъ и разумъ? не шираны ли они воли и не повелители ли самыхъ тайныхъ помышлений? Народъ почтетъ тебя за клеветника, и въ озлобленіи забросаетъ тебя камнями, или разорветъ на части! — Буду молчать и ожидать благопріятнаго случая; пришворюсь предъ Муликою и

постараюсь пріобрѣсть его до-
вѣренность.

Твердо рѣшась на сіе,
Изисъ оставилъ мечеть и воз-
вращился въ свое жилище. Съ
сихъ поръ юноша оказывалъ
Муликѣ гораздо болѣе послуша-
нія, и въ короткое время по-
нравился ему, а вскорѣ сдѣлал-
ся и любимцемъ своего учителя.
Такимъ образомъ дѣлалъ онъ
всегда новыя открытія. Онъ
показывалъ, будто бы удив-
ляется, какъ они столь хоро-
шо подражаютъ Пророку, и
узналъ, что Алла не украшаетъ
прона своего золотомъ и дра-
гими каменьями, копорыя при-
носятъ въ мечеть, какъ жерм-
вы, но что служители Проро-
ка дѣлаютъ ихъ между собою.
Изисъ долженъ былъ собрать
всѣ силы свои, чѣмъ не от-
крытъ себя слишкомъ рано, и

ожидалъ щаспливаго случая, копорой помогъ бы ему исполнить принятое имъ намѣреніе; но время ни мало не могло уменьшишь ненависти, копорую онъ питалъ прошивъ Магомета въ сердцѣ своемъ: оно только увеличивало ее часъ ошъ часу болѣе.

Однажды Факирь, призвавъ къ себѣ Изиса, сказалъ ему: „Алла бдитъ надъ побою; Ангель его охраняетъ тебя, юноша, сынъ ушра розоваго! Ты прекрасенъ, какъ радостная весна, и милъ, какъ цвѣтокъ благовонный, глаза твои подобны двумъ солнцамъ, на челѣ твоємъ изображены достоинство и величіе — это пророчество великой души твоей; ты идешь, какъ юный богъ; по слѣдамъ твоимъ текутъ удивленіе и почтеніе. Благодари Аллу, что

онъ вселилъ въ тебя духъ истины и свѣта; Пророкъ благоволишь къ тебѣ и конечно предопредѣлилъ тебя къ дѣламъ великимъ. Приблизься ко мнѣ, любимецъ Небесъ! и услышь изъ устъ послѣдняго служителя его волю Аллы.

„Уже три ночи сряду являлся мнѣ Магомелъ, и такъ говорилъ ко мнѣ: Изисъ есть мой любимецъ; онъ принадлежитъ къ числу служителей моихъ, долженъ разпроспранить по земному шару имя мое и обратишь ко мнѣ толпы невѣрныхъ; онъ долженъ насыпить тигровъ Гирканскихъ и львовъ Гепулійскихъ кровію враговъ моихъ, да царствуетъ имя мое на землѣ, и да поклоняется ему солнце и луна! Такъ говорилъ мнѣ Пророкъ; горжусь тѣмъ, что я былъ другомъ

твоимъ , учишелемъ и теперь
 участникомъ призванія твоего.
 Не спрашисъ ничего , юноша ,
 и радостно вступи въ путь ,
 при концѣ котораго ожидаютъ
 тебя честь и любовь Неба. Мо-
 жетъ быть онъ кажется те-
 бѣ труднымъ и усталаннымъ
 терніемъ ; но , Изисъ ! если
 ты владѣешь истинною му-
 драстію , то найдешь его лег-
 кимъ и устѣяннымъ цвѣтами.
 Послушай, ты долженъ узнать
 таинства , которыя всегда о-
 станутся неизвѣстными про-
 стому народу. Не всѣ Факиры,
 не всѣ Дервиши и Календеры
 ведутъ въ самомъ дѣлѣ спро-
 тую, мученическую жизнь, при-
 нятую нѣкоторыми благочестивы-
 ми мечтателями. Привычка
 скоро научаетъ превозмогать
 безпокойства, которыя должны
 придавать намъ наружный видъ

строгости. Что значить нѣ-
 сколько рубцовъ на спинѣ отъ
 легкихъ ударовъ? что значить
 бремя нѣсколькихъ фунтовъ на
 шеѣ и небольшое количество
 крови, которую проливаютъ
 при этой благочестивой шуп-
 кѣ? Скоро научишься пере-
 носить солнечный жаръ и хо-
 лодъ. Подумай, что гораздо
 болѣе того долженъ переносить
 прудолюбивый поселянинъ и
 обремененный заботами граж-
 данинъ, получающій весьма ма-
 лую награду, которую до-
 стаетъ въ пошѣ лица своего,
 но и ею пользуется, пренебра-
 живши чинowników; ему
 не достается ни половины ея:
 большую часть отнимаютъ у
 него Сулпанъ и его служители.
 Но мы — мы имѣемъ пищу и
 одежду, наслаждаемся всѣмъ
 безъ опасности и никогда не

прудимся. Знапные насъ по-
 читають, народъ цѣлуешъ слѣ-
 ды ногъ нашихъ и въ священ-
 номъ благоговѣніи собираешъ
 прахъ, нами попираемый. Знай,
 что наши сполы бывають бо-
 гатѣе, нежели сполы самага
 Сулпана, и мы наслаждаемся
 такими удовольствіями, копо-
 рыхъ не чувствують никогда
 Эмиры: мы пицаемся пищею,
 копорую глупой народъ при-
 носишь въ жерпву Аллѣ, и
 пьемъ вино, копорого Мусуль-
 манинъ изъ спраху не осмѣлишъ
 никогда опвѣдашь. Не счи-
 таешъ ли насъ такими дурака-
 ми, которые презирають у-
 довольствія жизни и мучають се-
 бя для Пророка? — Мы всѣ
 знаемъ жишейскія упѣхи, на-
 слаждаемся ими и смѣемся легко-
 вѣрности людей. Хопя по
 благоразумію и опрекаемся мы

отъ женскаго пола, чѣтбы не навлечь на себя ненависти Двора, но у насъ есть такія прекрасныя дѣвушки, какихъ не найдешь, можешь бытъ, и между Гуріями въ раю Магомешовомъ. Подумай, Изисъ, какая прекрасная жизнь! Насъ не беспокоитъ никакое принужденіе, и ни одна капля поту, обливающая бѣднаго поселанина, не упадетъ съ нашего лица; мы живемъ, ни о чемъ не думая — и живемъ щасливѣе всякаго Калифа и Шаха. Никакая забота не помрачаетъ нашихъ взоровъ, горестъ не снѣдаетъ нашего сердца, и страхъ никогда не разрушаетъ нашихъ радостей.

„Бошъ, юноша! какой прекрасной путь назначилъ тебѣ Магомешъ! Видишь ли теперь, что ты его любимецъ? Я ска-

залъ бы тебѣ болѣе , но не
пришелъ еще тотъ часъ , въ
которой духъ твой будетъ сво-
боденъ , чистъ и обо всемъ по-
лучишь ясныя понятія .“

Въ продолженіи сей рѣчи
часто гнѣвъ разливалъ алой ру-
мянецъ по щекамъ юноши , ко-
торой Мулика принималъ за
знакъ радости; нѣсколько разъ
Изисъ хотѣлъ прервать рѣчь
его , но останавливался. Нако-
нецъ онъ такъ ошвѣтствовалъ
ему : Хранишь тайну въ ве-
ликаго Пророка! позволь послѣд-
нему служителямъ его сказать
свое мнѣніе. Священны для ме-
ня воля Магометова и путь ,
который онъ назначилъ мнѣ ;
но скажи мнѣ , не уже ли Про-
рокъ не оставилъ служителямъ
своимъ никакого предписанія ,
по которому они должны ве-
сти себя ; или это тотъ родъ

жизни , о которомъ ты говоришь мнѣ ?

Юноша ! отвѣчалъ Мулика : мы имѣемъ предписанія въ разсужденіи нашей службы , а не жизни. Слѣдуй моимъ наставленіямъ и собственнымъ побужденіямъ , живи такъ хорошо , какъ можешь , дѣлай , что тебѣ нравится , ты не будешь въ этомъ никому отдавать отчета ; но будь ревностенъ къ службѣ Пророка. Возненавидь и преслѣдуй тѣхъ , которые не вѣруютъ ему ; будь жестокъ прошивъ всѣхъ , которые не одного съ тобою соспоянія ; дѣлай иногда добро , только бы оно было видно : тогда не спашутъ примѣчать , что ты дѣлаешь всегда. Будь непримиримымъ прошивъ всѣхъ враговъ нашихъ и не переставай гнать ихъ до тѣхъ поръ , пока низ-

вергнешь ихъ совершенно. Гдѣ не имѣешь ты довольно силы, тамъ пользуйся хитроспью, и поступки свои скрывай подъ священною завѣсою Вѣры. Спарайся усилишься у знапныхъ вельможъ и помогай имъ низвергать слабѣйшихъ, умѣй пріобрѣсти довѣренность ихъ, узнай ихъ тайны, и будешь для нихъ опаснѣе, нежели самый ужасный врагъ. Не заводь дружества съ невѣждами и не предавай сердца твоего любви; дружество существуетъ между нами, а любовь есть глупость; наслажденія всегда найдешь ты у насъ.“

Не думай, любезный Изисъ, чтобы такъ говорилъ только Факиръ и Дервишъ; — нѣтъ! — такъ точно мыслятъ Бонза, Талапоэнь и Браминъ, такъ думаютъ въ Японіи и Кипшаъ, —

Часть IV.

В

и не одинъ только день, но уже съ нѣсколькихъ сполѣтій шаковы суть основанія служителей Аллы. Естлижъ кто захочетъ прошиворѣчить тебѣ, то посрами и низвергни его; проклятіе Пророка обременитъ главу его. Теперь поди и помысли о томъ, что я предложилъ тебѣ; завтра ожидаю твоего рѣшенія. — —

Таковъ былъ языкъ служителя идоловъ; но какъ различны чистыя наставленія Вѣры отъ сихъ ложныхъ поученій! какъ сладостны слова Священнослужителя при олтарѣ Іисуса Христа! Они возвышаютъ любовь къ ближнему и благословеніе Неба; они вливаютъ въ душу нашу Священную Вѣру и проповѣдуютъ ученіе Евангелія, которое одно только можешь доставить че-

ловѣку щаспіе и блаженство. Тамъ нѣтъ никакого обмана, никакой хитрости; истина сіяетъ какъ солнце въ полдень, между тѣмъ какъ мракъ покрываетъ чадъ невѣрія.

Наконецъ, вскричалъ Изисъ, когда Мулика оставилъ его: наконецъ я вижу его безъ личины; но онъ столь же гнусенъ какъ и порокъ, когда совлечешь съ него блестящую одежду! Безчестные! и они всѣ шаковы, сказалъ онъ: исключая весьма немногихъ невѣждъ. Не самой ли это нечесливый родъ людей? —

Печально пропекло нѣсколько дней для Изиса, между тѣмъ какъ онъ изыскивалъ способъ, какъ бы обличить недовѣрчиваго предъ глазами народа. Еще онъ не могъ открыть его; ибо гласъ истины всегда за-

глушается сильнѣйшею предъ нимъ ложью ; онъ не могъ также получить помощи отъ какого нибудь друга , ибо Изисъ щепотно бы искалъ между ими сердца , способнаго къ дружеству. При всемъ томъ притворство и взоры Мулики были для него такъ несносны , что онъ скоро началъ желать , чтобы каждой часъ или былъ послѣднимъ его жизни , или открылъ обманщика и вывелъ несчастный народъ изъ заблужденія.

Между тѣмъ открылся случай , который дѣлу далъ совсѣмъ новой оборотъ , и ускорилъ исполненіе его великаго намѣренія , — изобличилъ Факировъ въ обманахъ.

Изисъ принятъ былъ уже въ число ихъ , и Мулика поспѣшась началъ спараться доста-

вляшь ему все то, что могло молодому человеку содѣлывать состояніе его пріятнымъ; а чтобъ сдѣлать его совершеннымъ Факиромъ, то онъ взялъ его ночью въ мечеть и далъ ему часть изъ даровъ народа.

Три раза былъ онъ на пиршествѣ Пророка; въ четвертую ночь, возвращаясь вмѣстѣ съ другими чрезъ пошанное отверстие, онъ нѣсколько замедлилъ, и вдругъ услышалъ шептаніе человека. Изисъ изумился, спалъ прислушиваясь; но скоро раздавъ звукъ задвижки, которою запирали дверь, и онъ закричалъ, чтобъ его выпустили, ибо не находилъ никакой пользы останавливаться тутъ заключеннымъ.

Въ продолженіе ночи тысяча безпокойныхъ мыслей занимали умъ его; любопытство

и состраданіе безпрестанно побуждали его изыскиватьъ средство, чѣобы пройти туда, не будучи примѣченнымъ, и видѣть того, чѣи слышалъ споны. Но всѣ сіи старанія были безплодны, и при появленіи ухра Изисъ съ горестію оставилъ ложе свое и пошелъ въ мечеть. Вдругъ услышалъ онъ тихой шумъ, и поспѣшъ спрятався, чѣобы увидѣть, что это значить. Человѣкъ, совсѣмъ закупанной спрашною на лицѣ маскою, выползъ изъ узкаго отверстія, и завалилъ оное большимъ камнемъ. Изисъ какъ будто бы не примѣтилъ его, и оставилъ спокойно идти своею дорогою. Черезъ нѣскольکو минушь онъ скрылся, и юноша, преданный радости, остался одинъ. Что бы дѣлалъ здѣсь эшошь человѣкъ? думалъ

Изисъ : онъ не изъ числа Факировъ ; иначе онъ могъ бы идти не этою дорогою ; можетъ быть это воръ , которъй , узнавъ о жертвенныхъ кушаньяхъ , хотѣлъ похищать ихъ у служителей Прорска ? или не зналъ ли онъ и объ ихъ богатствѣ ? — и это можетъ быть . Изисъ не беспокоился объ этомъ болѣе , и думалъ только , какимъ образомъ самъ онъ долженъ воспользоваться симъ открытіемъ .

Онъ принялъ самое смѣлое намѣреніе и скоро исполнилъ его : сильною рукою опвалилъ камень и прошелъ сквозь отверстие . Послѣ многихъ поворотовъ изогнутой дороги онъ пришелъ наконецъ къ двери , чрезъ которую ночью Факиры обыкновенно выходили . Теперь слѣдовалъ онъ уже по извѣстному ему пути , и опять

пришелъ на то мѣсто, гдѣ въ первой разъ слышалъ споны. Здѣсь остановился и началъ прислушиваться, но еще ничего не слыхалъ; билъ въ разныхъ мѣстахъ въ ладоши, но не было никакого отвѣта. Наконецъ хотѣлъ уже онъ идти назадъ, какъ вдругъ зацѣпилъ ногою за большое желѣзное кольцо, которое произвело довольно сильной стукъ, за нимъ слѣдовалъ ясный крикъ; Изисъ затрепешалъ отъ радости, видя себя такъ близко къ цѣли желаній своихъ. Кто ты, вскричалъ Изисъ: и что тамъ дѣлаешь? — Я несчастная, отвѣчалъ голосъ; спаси меня, если ты не Мулика, если ты не Факиръ; еслилижъ это ты, то приди и умертви меня! Что это значить? — вскричалъ Изисъ: злодѣй! —

и пошчасъ положилъ руку на желѣзное кольцо, чптобы приподняшь камень, сокрывавшій нещасное твореніе. — Онъ собралъ всѣ силы свои, и едва могъ снятъ его съ мѣста. Здѣсь увидѣлъ Изисъ, при слабомъ свѣпѣ лампы, дѣвушку, лежащую на землѣ; прекрасное, милое лице ея было покрыто смертною блѣдностію, а руки окованы цѣпями. Любезная дѣвица! сказалъ Изисъ: скажи мнѣ, кто ты, и какъ сюда попала? какой злодѣй такъ поспунилъ съ тобою? — Не Факиръ ли ты? опвѣчала дѣвушка: не за тѣмъ ли ты пришелъ, чптобъ умертвить меня? — За что умертвить? сказалъ Изисъ: не уже ли Факиръ приковалъ тебя здѣсь? —

Добродѣтельный человѣкъ! опвѣчала она: еспѣли не Му-

ликово сердце бьется въ груди
 швоей, еспѣли ты не злодѣй,
 то выслушай и пожалѣй обо
 мнѣ; еспѣлижъ ты благороденъ
 и добръ, то спаси меня, какъ
 только можешь, и проклинай
 гнуснѣйшихъ изъ всѣхъ чело-
 вѣковъ.

Они вырвали меня изъ объ-
 ятій любезнаго родителя, по-
 жишили отъ матери, копорая
 все свое щастіе поставляла въ
 любви дѣтей своихъ; жестокіе
 лишили меня ихъ навсегда —
 они умертвили ихъ. Братъ мой
 вѣрно также палъ подъ мечемъ
 Магометовымъ; ибо я не вида-
 ла его болѣе съ той ужасной
 минутой, когда Турки разлу-
 чили насъ. Ахъ, милой братъ
 мой! еспѣлибъ онъ былъ еще
 живъ — онъ избавилъ бы меня —
 онъ пожертвовалъ бы тысячу

разъ своею жизнію, чптобы толь-
ко спасти Тиру. —

Тира ! вскричалъ изумлен-
ный Изисъ : Тира ! — не уже
ли Изисъ такъ еще щасп-
ливъ ? — —

Боже мой ! — эпто ты ,
Изисъ , эпто ты , милой брапъ
мой ? — Но еспъли эпто и не
ты , еспъли не Мулибешъ былъ
отецъ швой и не Орипона
машъ швоя , еспъли ты толь-
ко называешся Изисомъ , то
ты все уже другъ мой , на ко-
пораго могу надъяпъся ! Чело-
вѣкъ ! покланисъ эшими священ-
ными именами , копорыя вѣч-
ными буквами начертаны въ
сердцѣ моемъ , ошмспишь и
спаспи меня ! —

Такъ , Тира ! такъ , милая
сестра моя ! эпто ты ! Эшими
священными именами клянусь
ошмспишь и спаспи тебѣя.

Пусть каждая капля крови моей обратится въ горящую сферу и пожигаетъ меня, пусть каждая частица воздуха, которую вдыхаю, будетъ помпелельнымъ, смертельнымъ ядомъ и мучитъ меня до самой смерти — пусть накажетъ меня гнѣвъ небесный, Тира, еспьли не опомщу тебя кровію Мулики! — Но скажи мнѣ, милая Тира! какимъ образомъ ты заключена сюда?

Изисъ! сказала она: когда мы были взяты и разлучены, тогда взялъ меня къ себѣ одинъ старой Турка, у котораго была я воспитана въ величайшей нуждѣ; — голодъ и нагота составляли все то, чѣмъ онъ могъ надѣлать меня. Онъ самъ былъ бѣденъ, и взялъ меня къ себѣ только для того, чпобъ со временемъ продать за боль-

шія деньги; однакожь всегда поступалъ со мною дружески и съ восхищеніемъ смотрѣлъ, какъ я подроспала. Мнѣ минуло двенадцать лѣтъ; но, по его словамъ, я подобна была розѣ, которая едва начала развертываться. Мулика черезъ людей своихъ узналъ обо мнѣ и велѣлъ тайно привести меня къ себѣ. Я сама не знала, какое онъ имѣлъ въ разсужденіи меня намѣреніе, и плакала о моемъ воспитаніи, въ какой бѣдѣности ни жила у него. Меня привели въ огромныя палаты, и заключили въ нихъ навсегда. Комната моя и небольшой садикъ составляли для меня цѣлой свѣтѣ; а двѣ женщины, которыя за мною смотрѣли, изо всего человѣческаго рода были однѣ, которыхъ я видѣла. Скоро я привыкла къ этому и

Часть IV.

Г

благодарила Провидѣніе, ибо жила совершенно хорошо: обо мнѣ спарались со всевозможнымъ попеченіемъ, и я имѣла все лучшее, что только нужно было для тѣла. Будучи еще невинна, я не знала ничего, кромѣ малѣйшихъ потребностей жизни, и думала, что наслаждаюсь высочайшимъ щаспіемъ.

Черезъ нѣсколько времени пришелъ ко мнѣ самъ Мулика. Видъ его вселялъ почтеніе, а поспупки любовь. Онъ называлъ меня своею дочерью, и съ того времени приходилъ ко мнѣ всякой день, и наставлялъ меня въ законъ Магометовомъ.

Въ такомъ состояніи прожила я два года и была такъ щасплива, что ничего не желала болѣе. Я знала, что за все то, чѣмъ наслаждалась, должна благодарить Факира, и

сердце мое пылало къ нему
 дѣвскою любовію. Часпо —
 ахъ! да простишь мнѣ Небо
 эшопъ ужасный грѣхъ — час-
 по въ заблужденіи сердца мо-
 его я называла его опцомъ сво-
 имъ, — называла его Мули-
 бешомъ. Однажды вечеромъ при-
 шелъ Мулика ко мнѣ, и такъ
 говорилъ: Прекрасная Тира!
 милая душѣ моей! дщерь не-
 бесная, запимѣвающая всѣхъ
 дѣвъ земныхъ! ты являешься
 на землѣ подобно звѣздѣ уп-
 ренней; не яснѣе блиспаешь
 свѣтъ ея, какъ сіяютъ взоры
 твои; ты улыбаешься, какъ
 крошкая луна. Лучшая краса-
 вица опъ спыда закрыла бы
 передъ тобою лице свое; самыя
 прелести небесныхъ Гурій
 ничто предъ твоею красою.
 Для тебя ничего не споитъ
 побѣдишь Королей, тебѣ легко

плѣнитъ даже самой мѣсяцъ ,
украшающій небеса; но ты мо-
жешь гораздо болѣе. Ангелы
упадутъ къ ногамъ твоимъ ,
и Пророкъ оставитъ рай свой,
чтобы въ твоихъ объятіяхъ
насладиться живѣйшими утѣ-
хами. Онъ послалъ меня къ
тебѣ , и нынѣ ты должна ви-
дѣть его.

Мулика , сказавъ сіе , по-
велъ меня въ мечеть и тамъ
оставилъ одну. Прекраснѣйшіе
юноши , у которыхъ золотые
локоны лежали по плечамъ ,
пришли скоро послѣ него и
начали заботиться обо мнѣ.
Черезъ нѣсколько времени при-
шелъ самъ мнимый Пророкъ ,
и докончалъ свой гнусной об-
манъ. Меня отвели назадъ , и
поступали такимъ же образомъ
нѣсколько дней. Тогда еще об-
манъ не былъ открытъ, и ща-

стіе жизни моей продолжалось; но скоро оно исчезло навсегда. Чрезъ нѣсколько времени я узнала, что въ лицѣ Пророка былъ Мулика. Это открытіе и извѣстность, что скоро буду матерью, совершили мое несчастіе. Вчера ночью я была вызвана съ возможною пишиною и приведена сюда, чпобъ умереть самою ужаснѣйшею смертію.

Мщеніе! вѣчное мщеніе Небесъ до покараетъ злодѣевъ! вскричалъ Изисъ. Тира! надѣйся на меня; спасу тебя, или рѣки крови прольются надъ трупомъ твоимъ! Теперь долженъ я удалиться, прежде нежели солнце освѣтитъ эту незаконную землю: это послужитъ къ безопаснѣйшему исполненію нашего намѣренія;

ночью приду къ тебѣ опять ,
и тогда — мы уйдемъ.

Изисъ удалился ; ярость ,
мщеніе и горестъ о спрадані-
яхъ сестры раздирали его серд-
це. Онъ скрылся , чтобы не
вспрѣшишься съ Муликою ; ибо
онъ измѣнилъ бы самъ себѣ при
первомъ взглядѣ , и своими ру-
ками удавилъ бы злодѣя , еспѣ-
ли бы не случилось при немъ
кинжала , или меча.

Солнце склонялось къ ве-
черу. Изисъ съ неперпѣніемъ
ожидалъ часа , въ которой дол-
женъ видѣшь и спаси свою
Тиру. Время приближилось , и
сердце юноши забилося скорѣе,
кровь закипѣла въ его жилахъ
и всѣ нервы его напаянулись ,
какъ шепива на крѣпкомъ лукѣ.
Вдругъ позвали его къ Факиру.
Изисъ испугался , и едва было
не измѣнилъ себѣ ; но скоро из-

пребилъ страхъ свой, и ярость
заспутила мѣсто его. Измѣна!
вскричалъ Изисъ: но ему не воз-
можно знать объ этомъ ; или
онъ не избѣгнетъ моего гнѣва.
Его жизнь зависитъ отъ жиз-
ни Тиры.

Изисъ вошелъ къ Факиру
со смѣлою рѣшимостію , одна-
кожъ не могъ скрыть того ,
что происходило въ его серд-
цѣ. Мулика спросилъ его о
причинѣ удаленія. Отвѣтъ юно-
ши не успокоилъ бы сего спа-
рика , знающаго людей , естъ-
либъ онъ началъ расспрашивать
его болѣе. Но онъ принялъ
жаръ Изиса и дикіе взоры за
слѣдствія безразсуднаго оскор-
бленія пылкой юности какимъ
нибудь непріятнымъ произше-
ствіемъ , и почелъ сіе объясне-
ніе самымъ приличнымъ для та-

кой минушы, не спараясь вы-
водишь его изъ онаго.

Послушай, Изисъ! началъ
Мулика: ты въ моей власти;
могу тебѣ приказывать, но не
хочу оскорбить твоей гордо-
сти; оставляю сердцу твоему
свободу, и тѣмъ болѣе ожидаю
отъ тебя повиновенія. — Хо-
чу испытать смѣлость твою,
въ состояніи ли духъ твой по-
бѣдить слабости сердца. Возь-
ми эшопъ кинжалъ и ключъ;
онъ отворитъ тебѣ двери,
чрезъ которыя ночью мы обык-
новенно ходимъ въ мечеть.
Подъ ногами найдешь камень;
подними его, и та женщина,
которую тамъ увидишь, дол-
жна умереть отъ руки твоей.
Не ослѣпляй себя ея красотою,
не прогайся ея слезами; это
безбожная, заслужившая гнѣвъ
Пророка. Какъ скоро ты из-

исполнишь это, то приди и покажи мнѣ окровавленный кинжалъ. Эшопъ подвигъ сдѣлаешь тебя достойнымъ всей дружбы моей, и ты гораздо болѣе, нежели прежде, проникнешь въ наши тайнства. — Изисъ сначала ужаснулся, но скоро потомъ обрадовался сему случаю. Пришедъ туда, гдѣ помилась Тира, онъ съ яростию и силою раздраженнаго льва разпоргъ оковы ея, и повелъ ее по длинному переходу, имѣя въ рукахъ обнаженный кинжалъ. Но шупъ вдругъ встрѣтился съ нимъ Мулика, провожаемый двумя своими поварищами; длинные факелы горѣли въ рукахъ ихъ, и освѣщали сію ужасную сцену смерти. Спрашныя проклятія пролились изъ кровавадныхъ устъ Факировыхъ. Мулика задыхался, спучалъ но-

гами , и въ яростию бросился на Изиса и Тиру ; но Изисъ предупредилъ его и пошчасъ повергъ на землю. Умри, злодѣй ! вскричалъ онъ : доспойная жертва гнѣва моего ! проклятіе Неба и ужасъ человѣковъ ! не смертный , но духъ ада произвелъ тебя во гнѣвѣ своемъ , и онъ не могъ ничѣмъ лучше отмститьъ людямъ ! А вы , подлые наемники порока , несчастные товарищи гнуснаго злодѣя ! не осмѣливайтесь приближиться ко мнѣ , естли еще хотите жить ! Удайтесь въ пещеры драконовъ , и каждая змѣя , каждое чудовище со страхомъ убѣжитъ отъ васъ ! Сокройтесь въ глубочайшихъ безднахъ земныхъ ; солнце ужасается васъ , мѣсяцъ блѣднѣетъ предъ вашими лицами !

Опть изумленія и ужаса
окаменѣли оба злодѣя и въ без-
силіи поверглись на землю.
Изисъ унесъ Тиру, и исчезъ
опть нихъ, прежде нежели могъ
быть узнанъ.

Мракъ ночи способствовалъ
ихъ побѣгу, и по щастію слу-
чился корабль гошовый къ
опплытію въ гавани, до ко-
торой они шли пѣшкомъ около
двенадцати часовъ. Между
тѣмъ, какъ Изисъ и Тира бы-
ли уже въ дорогѣ, изумленные
Факиры пришли опять въ себя,
и начали думать, что дѣлашь
имъ съ трупомъ Мулики, и
какимъ образомъ, не подвергая
себя опасности, скрыть его.
Въ продолженіе сего времени
толпящійся народъ окружилъ
всю мечеть, будучи привле-
ченъ нѣкоторыми пришедшими
шуда почти въ то же время,

когда случилось сіе произшествіе. Сдѣлалось всеобщее возмущеніе, пришли солдапы, вломились, начали обыскивать, и нашли все то, что до сихъ поръ скрывали лицемѣрство, безстыдство и жестокость сихъ злодѣевъ. Хотя они желали воспользоваться корыстолюбіемъ Судей своихъ и пожертвовали собственной пользѣ тѣми богатствами, копорыя приносили Аллѣ, однакожъ не избѣгли своей участи. Судья былъ столько подлъ, что принялъ подарки, и велѣлъ ихъ умершвишь тайно, чптобъ избѣжать всякой опасности.

Три дни Изисъ и Тира плыли щасливо подъ кровомъ мирнаго неба; но въ четвертой день вдругъ возспала сильная буря и бросила корабль ихъ на мѣль при неизвѣстномъ

островъ. Изисъ , взявъ въ объ-
япія Тиру , щасливо боролся
съ воздымающимися волнами ,
и достигъ наконецъ берега ; но
Тира лежала мертвою въ его
объяпіяхъ. Онъ положилъ ее
на солнце и употреблялъ всѣ
средства , какія только вну-
шало ему сердце , чптобы воз-
вратить ее къ жизни; но Тира
не пробуждалась.

Сдѣсь жилъ Изисъ сорокъ
лѣтъ , и сорокъ лѣтъ плакалъ
о своей Тирѣ. Безъ сомнѣнія ,
онъ умеръ бы въ неизвѣст-
ности оныхъ всѣхъ людей на семъ
дикомъ островѣ , еспли бы
судьба не привела шуда одного
Генуэзскаго мореходца , по име-
ни Венукчію , которой нашелъ
тамъ несчастнаго Изиса и оныхъ
него самаго услышалъ сію ис-
торію. Хотя это было все ,
что Венукчій чрезъ нѣсколько

Часть IV.

Д

лѣшъ принесъ въ свое опече-
ство, ибо имѣніе свое поше-
рялъ при кораблекрушеніи; од-
накожъ не ропсаль на Прови-
дѣніе и почиталъ себя щасп-
ливымъ. „Исторія Изиса“ ча-
сто говорилъ онъ знакомыхъ
своимъ: „во многомъ сдѣлала ме-
ня благоразумнѣе. Посмотрите
на Азію, эшопъ театръ ужас-
ныхъ слѣдствій суесвѣпства,
и не допускайте эшо чудуви-
ще владычествовать въ Евро-
пѣ; удаляйтесь вѣры Магоме-
товой, проклиняйте злобу Му-
ликову, изпребляйте въ серд-
цѣ вашемъ каждый зародышъ
порока. Научитесь знать дос-
тоинство кропкаго ученія Ии-
суса Христа, сравнивая съ вѣ-
рою Магомета, который ме-
чемъ возвѣщаль законъ свой и
огнемъ проповѣдывалъ ученіе.“

~~~~~

Х.

АЛФРЕДЪ, АНАКСИСЪ

и

ФИЛАРЕТА.

~~~~~

О! еспѣлибѣ могъ я сокрытъ-
ся въ ту спрашную спра-
ну, гдѣ дикая Обѣ кашишь
хладныя струи свои, гдѣ не
слышно сладкаго пѣнія пши-
чекъ, гдѣ нѣтъ прелесшей,
нѣтъ нѣжности, гдѣ кромѣ
реву медвѣдей не раздается
никакой звукъ среди ледяныхъ
горъ, въ сей темницѣ безпре-
дѣльныхъ пустынь, заключен-
ной рукою Природы для шѣхъ,

Д 2

которыхъ заводитъ шуда оп-
 чаяніе, или изгнаніе, гдѣ во-
 кругъ пространныя снѣжныя
 сшепи устрашаютъ печальной
 взоръ, гдѣ мрачныя лѣса и ока-
 менѣвшія рѣки разпространя-
 ютъ ужасъ въ уединенномъ
 пространствѣ, тамъ или еще
 въ ужаснѣйшемъ мѣстѣ, гдѣ
 устрашился самъ Виллугби,
 когда Елисавета посылала его
 открытъ путь къ Сѣверо-Во-
 стоку: — тамъ хопѣлъ бы я
 жить и сокрыться подъ ледя-
 ными горами, когда только
 вздумаю объ Америкѣ и вспо-
 мню кровавыя пораженія обища-
 телей Мексики! въ пустыняхъ
 Сибирскихъ я спалъ бы гово-
 рить соболю и горностаю,
 что жесточайшее изъ всѣхъ
 живущихъ на землѣ твореній
 есть человѣкъ! Я повергнулся
 бы къ ногамъ шигра, спалъ бы

искать защиты человечеству
 въ когняхъ его ; я извлекъ
 бы слезы изъ глазъ крокодила,
 и мнѣ казалось бы, что онъ
 оплакиваетъ кровавыя сцены
 въ Мексикѣ.

Всевышній ! низпошли въ
 сердце мое лучъ священной
 Твоей любви ! позволь мнѣ чув-
 ствовать въ эту минуту все
 бытіе мое и великое предопре-
 дѣленіе человека ! явись мнѣ
 въ блескъ Своемъ и позволь
 обожать Тебя, какъ Бога люб-
 ви, да начертаю златыми бук-
 вами законъ Твой любви къ бли-
 жнему ! исполни сердце мое
 Ангельскими чувствованіями !
 тогда духъ хранишель мой
 пусть перенесетъ меня въ Аме-
 рику и поставитъ на берегу
 Замора, гдѣ текла кровь умерщ-
 вленныхъ, и пламя, пожирав-

шее челоѡковъ, очернило самыя скалы!

Безконечный! дай чувствовашъ душѣ моей, какъ челоѡкъ можетъ низвергнуться, когда забывается любовь, Тобою заповѣданную, какъ обезображивается лице и какъ спрашно сверкаютъ глаза людей, когда они смотрятъ на золото, и какъ челоѡкъ одною рукою похищаетъ, а другою умерщвляетъ! Когда увижу это, сердце мое обливается кровію, душа моя перзаается, и я воздѣваю къ Тебѣ, всевышній Опецъ, руки мои, и молю Тебя: опдай меня на жертву яроспи пигровъ и кровожадныхъ волковъ, но защити отъ злобы челоѡковъ!

Тихая долина, окруженная крупными скалами, подобными скаламъ на берегахъ Гильды,

одного изъ Западныхъ острововъ Шотландскихъ, лежала при берегахъ рѣки Замора; ее заключали мрачные лѣса и покрышыя мхомъ каменные горы. Со всѣхъ сторонъ низвергались быстрые ручьи, опѣняя скалы подобно водопадамъ. Сквозь окружающія деревья представлялась продолженная дальновидность въ долину, и Природа безпечною рукою разсѣяла пріятнымъ образомъ торжествующіе кустарники вокругъ каменистыхъ горъ.

Анаксисъ, погруженный въ задумчивость, внималъ здѣсь журчанію ручьевъ, пѣнію пшницъ и веселому блеянію пасущихся стадъ. Щасливъ былъ Анаксисъ, какъ неизвѣстный дикій, обитавшій въ той странѣ, гдѣ Гангесъ капишь быстрыя струи свои, и гдѣ состарѣвшіяся

деревья бросають священную
пѣнь на желтые воды Нигра;
щасливъ былъ Анаксисъ, какъ
дикой въ долину Сенаарской,
гдѣ никакой разбойникъ не по-
жищаль подѣ личиною друже-
любія и никакой злодѣй не
дѣлалъ убійствъ.

Невиненъ подобно пчелѣ,
свободно летающей съ луга на
лугъ, онъ переходилъ изъ од-
ного жасминнаго лѣсу въ дру-
гой, и покоился подѣ пѣнію
пальмъ среди благовонныхъ
распѣній.

Благодѣшная Природа
явила здѣсь изобиліе свое: по-
меранцовыя деревья наклоняли
вѣтви подѣ бременемъ плодовъ,
и наполняли бальзамомъ цвѣ-
товъ своихъ окрестности; ка-
као изливалъ прохладительный
сокъ свой, и осеѣжающій на-
пишокъ выпекалъ изъ пальмы;

низко висѣли на вѣтвяхъ гранатовыя яблоки, и царь плодовъ, вкусной ананасъ, блиспаль золопою одеждою между иглиспыми лиспами.

Филарета была молодая дѣвушка, любимая Анакиссомъ. Рано узнали они другъ друга, и росли какъ полевые цвѣты, въ простотѣ и невинности. Рука въ руку часто сидѣли они въ цвѣщущей долинѣ, и часто Филарета вкушала еще сонъ на груди Анакиссовой, когда упрор величественно возходило изъ-за кедроваго лѣсу. Тихимъ, исполненнымъ нѣжностью голосомъ, какъ зефиръ, обвѣвающій незабудочку, пробуждалъ тогда юноша свою любезную. Они были щаспливы, ибо крупныя скалы опдѣляли еще ихъ опъ Европейцовъ.

Такъ жили они въ блаженномъ снѣ невинности, когда войска покрыли уже земли ихъ, когда возгорѣлись брани, и кровь тысячей обагрила берегъ Замора. Еще не знали они, что все это значило, какъ варвары изторгли ихъ изъ обѣяшій спокойствія.

Утро было ясно, позлащенные вершины кедровъ блиспали на горахъ, и упавшій съ высотъ шуманъ какъ тонкое покрывало лежалъ въ долинѣ, и опъ зависши закрывалъ цвѣшны. Филарета стояла и освящала восхожденіе солнца своею молитвою; взоры ея устремлены были на Анакиса, кошорой, склонивъ голову на ея руку, наслаждался часами утра: таково было положеніе любовниковъ, какъ вдругъ напала на нихъ толпа свирѣпыхъ

солдатъ. Злоба оковала невинность, а варварство обременило цѣпями простоту.

Они поручены были смотрѣнію Алфреда, молодого Испанца, копорой имѣлъ доброе сердце и честную душу; со слезами на глазахъ смотрѣлъ онъ на Филарету и горько плакалъ о несчастномъ Анаксистѣ.

Кто ты? сказалъ Анаксистъ: кто ты, оплакивающий насъ? Ты долженъ имѣть добрую душу, и не будешь такъ жестокъ, какъ твои собратья, опустошающіе нашу страну. — Это злодѣи! вскричалъ Алфредъ, чувствующій къ нимъ омерзѣніе въ душѣ своей: это злодѣи! Болѣе не могъ онъ говорить; вздохи прервали голосъ его. Онъ обвинялъ добраго Анаксиста и омочилъ своими слезами. Ахъ!

естълибъ ты зналъ, такъ на-
 чаль онъ опять: естълибъ ты
 зналъ, какъ ненавижу ихъ же-
 спокоспъ, и сколь много пре-
 зираю ихъ! О вы, сущеспва
 милыя, невинныя! ваша жизнь
 мнѣ драгоцѣнна! Не оспавлю
 васъ; вы не должны умереть!
 Скажите, куда долженъ я опвес-
 ти васъ? — Тамъ, за эспими
 жижинами, опвѣчаль Анаксисъ:
 шамъ ожидаетъ насъ преспа-
 рѣлый опецъ; для спвоего оп-
 ца прошу тебя, позволъ намъ
 еще разъ побывапъ въ нашихъ
 жижинахъ, еще разъ увидѣпъ
 нашего опца, и тогда мы охоп-
 но умремъ! — Вы не должны
 умереть, сказалъ Алфредъ:
 наслаждайтесъ радоспиями жи-
 зни, но удалитесъ опсюда,
 сокройтесъ въ дикую пуспыню,
 гдѣ рука Природы защипитъ
 васъ опъ нашей жестпокоспи. —

Такъ сказалъ Алфредъ, и снялъ
щѣпи съ дикихъ. Спупайте съ
миромъ и помните обо мнѣ!
Обрашивъ взоры къ небу, бла-
годарила его Филарета. Анак-
сисъ положилъ руку на грудь
свою; сердце его показывало,
сколь много чувствовалъ онъ
благодарность.

Исполненный удовольствія
о добромъ дѣяніи, возвра-
тился молодой воинъ въ лагерь.
Въ самое то время въ палаткѣ
предводишеля собракъ былъ со-
вѣтъ. Едва только вошелъ онъ,
то примѣтили, что въ герой-
ской душѣ его происходило
нѣчто чрезвычайное. Его спро-
сили, и онъ такъ отвѣчалъ
имъ: „Я человѣкъ, и человѣче-
ство священно сердцу моему;
гласъ Природы, раздающійся
въ душѣ моей, и совершенное

Часть IV.

Е

свидѣтельство чувствованій побудили меня къ тому поступку, на которой я отважился; вы заставляете меня сказать вамъ, что вы варвары. Вы поступаете съ этимъ невиннымъ народомъ съ чрезвычайною жестокостію; опниваете у матери дочь, у отца сына, у супруги любезнаго ей мужа, и все это подъ предлогомъ, чпобы образоватъ этихъ людей. Благородное образованіе! Пошлите волковъ въ стадо ягнятъ и коршуновъ къ крошкихъ голубямъ, и заставьте ихъ образоватъ невинныхъ! Какъ мрачная ночь варварство блуждаетъ въ этихъ поляхъ и вооружаетъ мечемъ руку бѣшеннаго, чпобъ умерщвлять. Спрашно, какъ кровь умерщвленныхъ вами, оно несетъ повсюду убійства и оскверняетъ олтари человѣчес-

кою кровію. Не хочу быть болѣе участникомъ вашей жестоко-
сти ; вотъ мечъ мой и моя
жизнь !“ — — Такъ говорилъ
Алфредъ. Со злобною улыбкою
смотрѣли на него воины, имѣв-
шіе жестокія души. Онъ мя-
тежникъ ! говорили они хлад-
нокровно, и Алфредъ былъ уже
въ цѣпяхъ , и большинствомъ
голосовъ приговоренъ къ смерти.

Солнце скрылось за гора-
ми и мракъ ночи покрылъ
страны Мексики черною тѣнью.
Воины спали на окровавленныхъ
мечахъ , и кромѣ вздоховъ ра-
неныхъ и стenanій заключен-
ныхъ не слышно было во всей
близъ лежащей странѣ никако-
го звука. Алфредъ не закры-
валъ глазъ и размышлялъ о
смерти.

Я умираю за человѣчество,
сказалъ онъ : лучше не жить ,

нежели жить злодѣемъ. Что такое смерть? Другъ мѣхъ, которые любящъ ее; она закрываетъ глаза мои отъ ужаснаго зрѣлища убійствъ; она опниваетъ слухъ мой, чтобъ я не слышалъ спона спраждующихъ, и силу рукъ, чтобы я не могъ дѣлать зла. Одинъ только злодѣй спрашивается смерти; а тотъ, котораго сердце не обременено упреками, встрѣчаетъ ее безъ боязни. Доброй, умирая, оставляетъ общество глупцовъ и злодѣевъ! Что такое свѣтъ? — Пространная темница, наполненная бѣшенными, гдѣ добродѣшель споненъ въ цѣпяхъ, а порокъ уважается. Буду радоваться, когда наступитъ день, въ которой выду изъ эшаго жилища глупцовъ. — Такъ говорилъ Алфредъ, легъ и уснулъ до самаго утра.

Солнце взошло , и часъ смерти Алфредовой приближился. Ему прочитали приговоръ , и онъ выслушалъ его съ непоколебимою пвердостію. Развѣ я спращился смерти? сказалъ онъ : часто она находилась подлѣ меня въ сраженіи , и я смотрѣлъ ей въ глаза безъ ужасу. Часто жертвовалъ жизнью за Короля , теперѣ опаживаю ее за человѣчество. Алфредъ умираетъ , но Анаксисъ и Филарета щасливы, — этого довольно ; для спасенія двухъ человѣкъ могу умереть одинъ. Если я сдѣлался преступникомъ , то за человѣчество ; я былъ солдатъ , но не хотѣлъ быть убійцею. Такъ говорилъ Алфредъ и пошелъ на смерть.

Многіе старые солдаты , знавшіе доброе сердце Алфре-

дово, опирали при сихъ словахъ кающіяся изъ глазъ ихъ слезы, и многія честныя сердца сожалѣли объ немъ во глубинѣ души своей.

Онъ былъ уже на мѣстѣ казни, какъ вдругъ Анаксисъ и Филарета выбѣжали изъ толпы народа. Мы причиною смерти Алфредовой! вскричали они: онъ освободилъ насъ, и можешь быть изъ любви къ ближнему преступилъ данныя ему приказанія. Онъ не долженъ умереть; мы здѣсь, намъ нечего потерять; освободите несчастнаго и умертвите насъ! — Сии слова поразили Алфреда. Удалили ихъ! сказалъ онъ: вы дѣлаете для меня смерть пятоспшною, когда вздумаю, что и вы подвергаетесь тому же. Что вы сдѣлали? Я спасъ васъ, а теперь погибаю вмѣстѣ съ

вами. — Нѣтъ! ты не погибнешь! вскричалъ Генераль: обстоятельствъ твоего дѣла достойны примѣчанія; должно объ нихъ описатьъ къ Королю. Алфредъ опшведенъ опять въ шемницу, Анаксиса же и Филарету освободили на поручительство.

Король пораженъ былъ чрезвычайно сими обстоятельствами, и Генераль черезъ мѣсяць послѣ того получилъ слѣдующее письмо отъ Монарха:

„Повелѣнія мои основываются на челоѡколюбіи, а не на варварствѣ; никогда воли моей не было поступать варварски съ жителями Мексики, и сердце мое обливается кровію, когда вздумаю о томъ, что сдѣлано уже прошивъ мо-

„ей воли. Алфредъ, который
 „освободилъ Анаксиса и Фила-
 „решу, не учинилъ себя винов-
 „нымъ ни въ какомъ преступ-
 „леніи. Какъ можешь быть
 „вѣрнымъ Государю своему
 „попъ, который не имѣешь
 „человѣколюбія? Можешь ли
 „попъ уважать верховную
 „власть, кто осмѣливается
 „презираетъ Природу? Кто не
 „внемлетъ гласу своего серд-
 „ца, попъ не можетъ вни-
 „мать и повелѣніямъ Короля.
 „Герой, копорой вмѣстѣ и че-
 „ловѣкъ, всегда достоинъ мо-
 „его уваженія; но попъ, кто
 „не внемлетъ гласу Природы,
 „есть безчувственный, или вре-
 „дная машина, копорая не въ
 „состояніи управлять собою.
 „Алфредъ долженъ возвратишь-
 „ся; Государь наградишь его
 „поступокъ, чтобы доказать

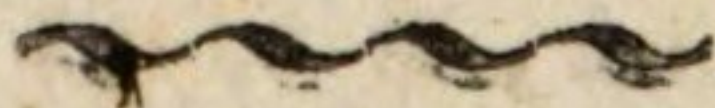

„человѣчеству, что пошъ до-
 „стоинъ повелѣвать людьми,
 „кто умѣетъ цѣнить дѣянiя
 „ихъ.“

Такъ писалъ Король, и
 вся Природа рукоплескала ему
 похвалу. Алфредъ, Анаксисъ
 и Филарета отправлены были
 въ Мадридъ, и тамъ самъ Ко-
 роль пекся о сихъ благород-
 ныхъ душахъ, и часто проли-
 валъ слезы сожалѣнiя, когда
 рассказывали ему о жестоко-
 стяхъ, учиненныхъ въ Новомъ
 Свѣтѣ противъ воли его. О
 Алфредъ! часто говорилъ онъ
 ему, и повергалъ священную
 главу свою на плечо его: для
 чего Государями должны бытьъ
 слабые люди, которыхъ можно
 обманывать? Ахъ! какъ горе-
 стна судьба ихъ, когда упо-
 требляютъ во зло свящоспъ

ихъ повелѣній! когда Ангель
благосѣи живетъ въ ихъ серд-
цѣ, но исполнители повелѣній
ихъ суть злобные и порочные
люди! — — — — —

XI.

ДОБРЫЙ ХРИСТИАНЪ.

Сколь ни маловажными вамъ кажутся черты изъ исторіи простаго человека, однакожь онъ интересны для просполюдима; онъ находишь истину и свѣшь въ шѣсномъ кругу, предписанномъ для его свѣдѣній и понятій; онъ скорѣе и удобнѣе понимаетъ наставленія, содержащіяся въ такомъ изображеніи, которое имѣетъ одинакія съ нимъ соотношенія.

Въ семъ намѣреніи собралъ я нѣкоторыя черты изъ жизни одного честнаго, добродушнаго мѣщанина, котораго на-

мнѣшъ, такъ какъ память многихъ честныхъ людей, не сохранился ни въ какой Исторіи, можетъ быть по тому, что не стоялъ онъ въ спискѣ любимцевъ щастія.

Какъ желалъ бы я въ семь изображеніи показатъ своимъ согражданамъ, до какой степени самое честное, самое лучшее сердце заблуждается отъ ложной ревности къ Религіи, такой ревности, которая толкое число душъ добрыхъ доводитъ до непріязненныхъ расположеній, и производитъ такіа дѣла, которыхъ успыдилъ бы самой жестокій варваръ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ умеръ шопъ, о которомъ здѣсь рассказываю. Онъ жилъ въ небольшомъ селеніи, гдѣ онъправлялъ сапожное ремесло, которое досталось ему еще

отъ прапрадѣла его, ибо оно чрезъ цѣлыя двѣсти лѣтъ въ непрерывной линіи продолжалось въ его фамиліи.

Францъ Герберъ — такъ онъ назывался — научивъ сему ремеслу и сына своего Мишеля Гербера, радовался, что оставляетъ по себѣ такую отрасль, которая опправлять будетъ мастерство своихъ предковъ.

Францъ, судя по его состоянію, очень хорошо воспиталъ своего сына. Онъ внушилъ въ него почтеніе и послушаніе къ родителемъ и начальникамъ, пріучилъ его къ трудамъ, и всегда совѣщивалъ ему убѣгать праздности, наставивъ его въ страхъ Божіемъ, и собственнымъ своимъ примѣромъ вперилъ въ него набожность, которая достигла въ немъ до

Часть IV.

Ж

высокой степени мечтательности. Впрочемъ Францъ не зналъ ничего такого, что можешь образовашь умъ и сердце; онъ никогда не слыхалъ объ этомъ, и былъ доволенъ тѣмъ, что сынъ его прилѣжно работалъ и охотно ходилъ въ церковь. Францъ имѣлъ доброе сердце, помогалъ, гдѣ могъ помогать, всегда поступалъ и думалъ честно; таковъ былъ и сынъ его.

Онъ пришелъ уже въ совершенной возрастъ, кончилъ свое ученіе и помогалъ отцу своему работать. Слѣдуя похвальному обыкновенію, Мишелю надлежало оставить свою родину, чтобы въ другихъ городахъ усовершенствовать себя въ своемъ мастерствѣ. Отецъ снарядилъ его по своимъ силамъ; онъ любилъ его, почему и снаб-

диль всѣмъ такъ , что онъ ни въ чемъ не могъ имѣть недостатка. Наступилъ день отъѣзда его , и всѣ , кромѣ Мишеля , ожидали того дня съ нѣкоторою брязнію. Мишель радовался , что увидитъ болѣе , нежели что видѣлъ въ опцовскомъ домѣ , и духъ его силился вырваться изъ тѣснаго круга своего дѣйствія.

Мишель , началъ говорить ему отецъ : ты оставляешь свою родину , — эшаго не лзя избѣгнушь , не посрамивъ себя ; но одинъ Богъ знаетъ , каково мнѣ съ тобою разсваваться. Ты у меня только одинъ , и я воспиталъ тебя честно и по Христіански ; но Небу извѣстно , что сдѣлаешь изъ тебя свѣтъ. Будь рачитель и вѣренъ своему Государю ; прудись и убѣгай праздности , иначе

будешь нищимъ; будь бере-
 жливъ; но есѣли будешь ну-
 ждашься, то пиши ко мнѣ,
 я тебя не оставлю. Молись
 прилѣжно и не отступай отъ
 Бога, чѣмъ и Онъ отъ тебя
 не отступился, и не провож-
 дай святыхъ Его праздниковъ
 въ пьянствѣ и играхъ; не вхо-
 ди ни въ какія товарищества,
 живи въ порядкѣ, смирно и
 тихо. Есѣли нужно помочь
 своему ближнему, то помогай
 по своимъ силамъ; Богъ за
 это пошлетъ тебѣ щастіе
 и благословеніе. Но не слиш-
 комъ далеко отъѣзжай отъ
 насъ, чѣмъ можно было ско-
 рѣе тебя уведомить, есѣли
 Богу угодно будетъ взять ме-
 ня къ Себѣ; мнѣ хочется,
 чѣмбы ты закрылъ мнѣ глаза.
 Чѣмъ знаю, тому я научилъ
 тебя, такъ какъ и самъ на-

учился отъ своего отца; а бо-
 лѣе тебѣ ничего не надобно.
 Я, съ Божіею помощію, всегда
 жилъ хорошо, и есѣли пой-
 дешь по моимъ слѣдамъ, то и
 ты не будешь терпѣть нуж-
 ды. Болѣе всего, сынъ мой,
 берегись вспупать въ Люте-
 ранство; иначе будешь неща-
 спливъ. Я, правда, въ жизнь
 свою не видалъ ни одного Лю-
 теранина, но слыхалъ о нихъ
 довольно. Не водись съ невѣр-
 ными; у нихъ на устахъ медъ,
 а на сердцѣ ядъ, да и Богъ
 опспушилъ отъ нихъ. Ты самъ
 часто слыхалъ, когда дядя
 твой, читавъ намъ по вечерамъ
 Житія Святыхъ, какъ жесто-
 ко поступали съ Христіанами
 Турки и язычники. Ты уморишь
 меня, Мишель, есѣли услы-
 шу, что ты пристанешь къ
 эшимъ людямъ!

Съ такими наставленіями Францъ оппустилъ своего сына, копорой твердо рѣшился имъ слѣдовать; онъ также свято чтилъ слова опцовы, какъ и Евангеліе, о которомъ не имѣлъ ясныхъ поняшій.

Въ простомъ состояніи много еще такихъ людей, кои, будучи безъ образованія, такъ думаютъ и поступаютъ, какъ думалъ и поступалъ Францъ.

Когда же, къ несчастію, иные изъ нихъ имѣютъ злое и развращенное сердце, то удивительно ли, что мы иногда видимъ извергомъ человѣчества? Францово сердце было добро, мягко и сострадаательно; онъ былъ совѣстенъ и не склоненъ къ подозрѣніямъ; однакожь Францъ, вводимъ будучи въ заблужденіе ложными мнѣніями, погрѣшалъ часшо прошивъ важ-

нѣйшихъ должностей челоѣка. Приобыкнувъ съ самаго дѣтства слѣдовать образу мыслей своихъ предковъ, съ однимъ механическимъ знаніемъ Религіи и общественныхъ должностей, безъ образованія разума, думалъ Францъ, что онъ никому, кромѣ своихъ единовѣрцовъ, не обязанъ помогать и дѣлать добро, и считалъ себя въ правѣ ненавидѣть всѣхъ другихъ. Правда, Евангеліе увѣрило бы его въ прошивномъ; но онъ весьма мало зналъ эту святую книгу. Хоть и у него также въ Воскресные и праздничные дни, какъ заведено почти во всѣхъ мѣщанскихъ домахъ, прочитывали передъ обѣдомъ положенное Евангеліе, но только что прочитывали, клали опять на полку, и ни мало о немъ не думали, и такъ упо-

исребляли его только механически; но за то по вечерамъ занимались чтеніемъ такихъ повѣствованій, которыя не заслуживаютъ никакого вѣро-
ятія. — Ужасныя варварства древности возмущаютъ сердце противъ человечества и наполняютъ его ненавистію; они имѣютъ самое вредное влі-
яніе на необразованной умъ и такое сердце, которое способно ко всякимъ впечатлѣніямъ. Съ ужасомъ слушая тѣ жесто-
кости, которыя употребляемы были противъ Христіанъ, онъ ощущалъ въ душѣ своей жела-
ніе мстить, и въ простотѣ своей не различалъ язычниковъ отъ Турковъ, Жидовъ и Люте-
ранъ. Кто не былъ Католикъ, того считалъ онъ еретикомъ и злодѣемъ; сердце его питало злобу ко всякому, кто не былъ

одной съ нимъ вѣры. Какъ много обезображивало сіе черное пятно благородную его душу, и однакожъ какъ мало былъ онъ самъ въ томъ виновенъ! Послѣдствіе исторіи будетъ намъ представлять характеръ Франца съ двухъ сторонъ, и показывать его то любви достойнѣйшимъ человекомъ, то самымъ лютымъ изувѣромъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ сынъ его отправился въ другіе города, Францъ принялъ къ себѣ одного бѣднаго сироту, которой былъ безъ призрѣнія, одѣлъ его и спалъ учить своему ремеслу; онъ любилъ его, какъ сына. Радуюсь отъ всего сердца, говорилъ онъ: что Богъ послалъ мнѣ эшаго добраго малаго; онъ, можетъ быть, умеръ бы съ голоду: стану любить и воспитывать его, какъ свое

дѣшище; еще не извѣстно, кто будетъ упѣшатъ меня въ старости. Ни одинъ изъ прохожихъ ремесленниковъ, копорыхъ недоспатоковъ работы, или какое нибудь несчастіе ввергнули въ нищету, не отходилъ отъ ворошъ его безъ полученія какой нибудь помощи; иныхъ оставлялъ онъ у себя, особливо въ худую погоду, на день или болѣе, кормилъ и поилъ ихъ.

Прошелъ уже годъ, а сынъ Францовъ все еще работалъ въ разныхъ селеніяхъ и небольшихъ городахъ, лежащихъ около его родины. Ему не приходило еще въ умъ возвратиться къ отцу; онъ много насмотрѣлся и слышался, и такъ привязанъ былъ къ своему мастерству, что всегда хотѣлось ему идти далѣе. Однажды пришелъ онъ въ большой городъ, копо-

рой лежалъ на границѣ его опечесства. Тамъ нашель онъ работу, и въ первой же день заслужилъ довѣренность опъ своего хозяина; ибо Мишель казался добрымъ и набожнымъ, а честной видъ его никогда не обманывалъ. Однако же онъ не сдѣлалъ еще большихъ успѣховъ въ своемъ ремеслѣ; ибо привыкши къ образу простой, сельской работы, не могъ еще сшить сапоговъ такъ чисто, какъ опъ него требовали. Одинъ изъ подмасперьевъ хозяйскихъ, полюбивъ Мишеля, спалъ ему показывать. Онъ, по своему добродушію, училъ его съ охотою, давалъ ему всякія выгоды, и въ нѣсколькo дней увидѣлъ опъ него изрядные успѣхи.

Мишель былъ такъ робокъ, что не могъ короче узнать

своего пріятеля; но случилось нечаянно, что въ разговорѣ съ другими зашла объ немъ рѣчь, и всѣ спали хвалишь сего добродушнаго человѣка. Онъ пречестной, прелюбезной человѣкъ, сказалъ одинъ; только жаль, что Люперанинъ. При этомъ словѣ Мишель отскочилъ на нѣсколько шаговъ, съ ужасомъ озирался вокругъ, не споймъ ли онъ позади его, и представлялъ самую глупую фигуру. Всѣ смѣялись дурачеству его. Въ сію минуту Хриспіанъ (шакъ назывался этотъ доброй человѣкъ) вошелъ къ компану; всѣ засмѣялись еще громче, а Мишель, бросивъ на него робкой взглядъ, выбѣжалъ вонъ. Хриспіанъ лишь только узналъ причину сего страннаго поступка, то, принявъ на себя важный видъ, сказалъ своимъ

товарищамъ : „Не смѣйшесь надъ несмысленнымъ ; этимъ шушишь не надобно , и малой заслуживаешь сожалѣніе , а не насмѣшки. Мы дружески выведемъ его изъ заблужденія , и сдѣлаемъ изъ него себѣ друга.“

Мишель пошъ же часъ пошелъ къ хозяину , и сказалъ ему , что не хочетъ у него работать. Хозяинъ , съ крайнимъ удивленіемъ выслушавъ его причины , увидѣлъ , что Мишель стоялъ твердо въ своемъ намѣреніи. Хозяинъ любилъ его , и не хотѣлъ съ нимъ разстаться. Онъ призывалъ въ помощь весь умъ и все свое краснорѣчіе , чтобы уговорить его остаться ; пришелъ также и Хриспіанъ , и началъ дѣлать ему свои представленія. Однакожь наконецъ удалось имъ столько , что Мишель призналъ

своего благодѣтеля за такого человека, которой также бытъ можешъ добрымъ и честнымъ, и припомъ обѣщался прожить у нихъ нѣскольکو времени.

Христіанъ никогда не оставлялъ Францова сына, котораго онъ презналъ своимъ другомъ, и сколько услуживалъ и угождалъ ему, сколько позволяла возможность; всего дороже въ дружбѣ добраго Христіана было то, что онъ былъ въ ней безкорыспенъ и завелъ ее съ благороднымъ намѣреніемъ. Онъ не имѣлъ другой цѣли, какъ только ччтобъ добраго, честнаго Мишеля соблюсти на пуши чеспи и праводѣтельности, съ котораго онъ въ своемъ заблужденіи весьма легко могъ бы соврапиться, и ччтобы необработанный умъ его образовашь такими знаніями и

правилами, которыя могли бы сердце его сдѣлать удобнымъ къ нѣжнымъ и тонкимъ ощущеніямъ, и всегда возбуждать въ немъ вѣдшее рвеніе къ добродѣтели.

Мишель съ своей стороны любилъ Христіана, и весьма дорого цѣнилъ дружбу его. Онъ вѣрилъ словамъ его такъ несомнѣнно, какъ едва ли вѣрилъ своему опцу, и видѣлъ ясно, сколь много обязанъ другу своему Христіану, и сколь щастливъ спалъ, вошедъ съ нимъ въ шѣсную связь дружества. Христіанъ часто предохранялъ его отъ пороженнымъ образомъ отъ какой нибудь досады, или убытка; наставленія его во всякое время были основательны, и Мишель всегда слѣдовалъ имъ съ пользою.

Однажды нѣсколько Христіановыхъ и Мишелевыхъ знакомцевъ отправились въ пущь. Они слышали когда-то объ Америкѣ, и пожелали побывать въ ней. Болѣе двадцати чело-вѣкъ провожали отъѣзжающихъ до ближайшаго мѣста, чѣшобы шамъ послѣ небольшоѣ пируш-ки проспиться съ ними въ по-слѣдній разъ; Христіанъ и Ми-шель были также въ числѣ про-вожающихъ, и веселились вмѣ-стѣ съ другими.

День началъ клониться къ вечеру, а пированіе весельча-ковъ, которые довольно уже понапились, спановилось жи-вѣе и шумнѣе. Христіанъ со-вѣщовалъ своему другу идти съ нимъ домой. Онъ видѣлъ, что наступала ночь, а гуляки пили не переставали; у Ми-

ше ля также начало бродить въ головѣ. Хриспіанъ не предвидѣлъ изъ того ничего добраго.

Но на сей разъ Мишель, по нещаспію, не послушался добраго совѣта; ему такъ хорошо показалось бытъ въ кругу своихъ поварищей, что Хриспіанъ не могъ никакъ увести его домой. Шумъ сдѣлался сильнѣе, и всѣ начали задирать одинъ другаго; они смѣялись надъ глупостями каждаго изъ земляковъ своихъ, и у одного вырвалось нѣсколько самыхъ язвительныхъ словъ на щепъ Каполиковъ. Это былъ Хриспіановъ землякъ, впрочемъ человекъ доброй и благоразумной.

Мишель пошчасъ подско-
чилъ къ нему; мрачныя кар-

шины ненависти противъ Религіи, другими изповѣдуемой, которыя ни время, не обхождение съ Христіаномъ не могли совсѣмъ изгнать изъ его памяти, представились раздраженному во всемъ ужасномъ видѣ. Ударъ сильной Мишелевой руки, долженствовалъ изобразить соперника его въ неправдѣ; но шумъ всѣхъ разгорячился. Одни бросились на несчастнаго, другіе спали защищать его, и произошла драка, которая кончилась увѣчемъ, позоромъ и презрѣніемъ для всѣхъ.

Христіанъ, котораго въ сію несчастную минуту не было въ комнату, услышалъ шумъ и боялся худыхъ слѣдствій для своего друга; онъ хотѣлъ войти, но со всѣми своими усиліями

ми не могъ продрапаться; позвалъ хозяина, а сей послалъ за полицейскими служителями. Ссорившіеся взяты подъ стражу, и всякой ожидалъ себя строгаго наказанія. Мишель и противникъ его заплатили большой денежной штрафы, и выведены изъ города. Когда отпустили ихъ обоихъ, то соперникъ подошелъ къ Мишелю и просилъ у него прощенія. Любезной другъ! говорилъ онъ: прости мнѣ! Огорчаетъ меня болѣе штрафа то, что я раздражилъ тебя. Не ты виноватъ, а я; пьянство зашло у меня умъ; но если изправленіе человека будетъ для тебя достойнымъ удовлетвореніемъ, то вошь моя рука и слово! Пусть постигнетъ меня самое тяжкое несчастіе, если-

ли поступлю когда нибудь такъ негодно!

Мишель стоялъ предъ нимъ пораженный изумленіемъ и спыдомъ; онъ ожидалъ себѣ упрековъ и мщенія, а вмѣсто того видѣлъ, что обиженный проситъ прощенія у виноватаго. Тупъ сердце сказало ему, что онъ поступилъ злобно, и повелѣвало ему питать дружбу и любовь. Они, обнявшись поцѣловались, какъ братья, и общались другъ другу исправясь.

Мишель глубоко чувствовалъ разкаяніе въ своемъ проступкѣ. Онъ хотѣлъ удалиться отъ Христіана, но не зналъ, съ чѣмъ и куда; не смѣлъ показаться къ нему на глаза, ибо спрашился спрогаго его взгля-

да и упрековъ : но Христіанъ самъ искалъ его. Онъ подошелъ къ нему съ ласковымъ видомъ , пожалѣлъ о немъ и спалъ утѣшаша его. Вотъ , любезный другъ , сказалъ онъ , печальныя слѣдствія ложнаго образа швоихъ мыслей ! Сдѣлай такъ , чшобъ эшо было первымъ и послѣднимъ напомниманіемъ ; будь терпѣливъ и снисходителенъ. Не хочу дѣлать тебѣ упрековъ ; но Вѣра и собственное швое сердце стануть тебѣ дѣлать оныя. Обѣщайся мнѣ быть впредъ благоразумнѣе ; мы навсегда останемся друзьями , и я опъ тебя не отшпану.

Какая была радость для Францова сына ! Какъ непонятно было для него Христіаново великодушіе , шоль высокая добродѣтель , коцорая

только сердце кропкаго Христіанина, благодѣптельнаго друга челоувчеспва, можетъ сдѣлать щаспливымъ. Мишель, со слезами на глазахъ, обѣщався ему изправипсья, и далъ честное слово во всемъ бытъ ему такъ послушнымъ, какъ своему ошцу.

Христіанъ и Мишель пришли въ одинъ изъ лучшихъ торговыхъ городовъ Германіи. На дорогѣ случилось имъ бытъ свидѣтелями такого произшествія, которое споило горькихъ слезъ доброму Христіану, а Мишелю открыло глаза, и увѣрило, что онъ заблуждался.

Это было среди дня, когда они, уславъ и проголодавшись, пришли въ одно мѣстечко, гдѣ жили Люперане. Хри-

спіанъ и Мишель зашли въ первой домъ, котораго хозяинъ почишался весьма добрымъ и ласковымъ человекомъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ таковъ былъ къ нимъ и ко всѣмъ, которые изповѣдовали одинаковую съ нимъ Вѣру; — онъ не зналъ еще Мишеля. Но малочисленной, унижившійся народъ, которой служилъ невольникомъ у всего свѣта, былъ для него ненавистнѣе ядовитыхъ змѣй. Въ одной комнатѣ съ ними сидѣли въ углу два провзжіе Еврея. Одинъ суровой видъ хозяина и его грубое съ ними обхожденіе не обѣщали имъ ничего добраго; но чшобы поступлено было съ ними самымъ жестокимъ образомъ, они совсѣмъ того не ожидали отъ образованнаго человека, отъ Христіанина. Погоди! сказалъ хозяинъ своей женѣ: я

такъ отпощиваю эсихъ двухъ Хананейскихъ плутовъ, что спануть упирашь слезы; Жидовъ жалѣшь не надобно. Я угожу Богу, когда въ состояніи буду въ слѣдующую четверть года внести болѣе на содержаніе бѣдныхъ и на церковное строеніе. Такъ говорилъ онъ, такъ извинялъ свою злобу, ожесточая сими доводами свою совѣсть.

Самой корыстоплюбивою чело-
вѣкъ почелъ бы за грѣхъ взявъ
съ Евреевъ за постой, пищу и
кормъ для двухъ лошадей ихъ
болѣе трехъ рублей; но сей
хозяинъ пошребовалъ съ нихъ
пятьдесятъ, и не принималъ
отъ изумленныхъ Жидовъ ни-
какихъ отговорокъ и предста-
вленій. Христіанъ и Мишель
ужаснулись; ибо они видѣли,
что Жиды ѣли и пили. Хри-

спіанъ, взявъ хозяина за руку, опвелъ его въ спорону, и ска- залъ ему: „Ты, брашъ, конечно весельчакъ? Посмотри, какъ они испугались; однако, думаю, ты переспанешъ шупишь надъ ними такъ больно?.. — Шупишь? опвѣчалъ хозяинъ: что за шупки? я говорю правду. Жидаы должны заплашишь эши деньги, или я сдеру съ нихъ кожу.

„Почему же берешъ ты сполько съ Жидовъ? да можешъ бышь, и съ другихъ не меньше?..“

Нѣшъ, я право челоувкъ честной; но еспъли попадешся мнѣ Жидъ. . . . .

„Да развѣ Жидаы не тѣ же люди?..“

Часть

IV.

И

Люди!— Пусть они и люди, но отверженные, проклятые. Они вѣдь насъ обманываютъ, когда имъ удастся; и такъ имъ шѣмъ же должно оплачиваться.

„Другъ мой! ты ошибаешься. Знаю, что ты не расположенъ меня слушать; но довольно будешь эшаго сказать тебѣ: дѣлай добро и поступай, какъ Христіанинъ, а не такъ, какъ Жидъ.“

Проклятія и ругательства были опвѣщомъ на хорошіи Христіановъ совѣтъ. Заплашише за себя, сказалъ онъ: съ васъ возьму немного, и потомъ убирайтесь къ черпу; иначе худо вамъ будетъ, естѣли спанете ко мнѣ такъ приспавать. Тутъ съ буйствомъ спалъ онъ требовать съ Жидовъ пяшиде-

сяти рублей; когда же они отказали ему на отпѣзъ, то онъ, задержавъ ихъ лошадей, предоспавилъ имъ на выборъ, или заплашишь деньги, или бышь выброшенными изъ дому. Опасаясь, чпобы не поступили съ ними еще хуже, они избрали первое, — заплашили деньги и рѣшились, какъ совѣтовалъ имъ Христіанъ, принести жалобу правительству, и такимъ образомъ возврашпть свою пошерю. Христіанъ и Мишель, также скоро оставя сего злобнаго человека, пошли своею дорогою.

Милосердый Боже! началъ Христіанъ: какъ слѣпы чело-вѣки и въ самыя просвѣщеннѣйшія времена! какъ несчастливы ошъ слѣпоты своей! Видишь, Мишель, до какой степени ложный образъ мыслей ожеспо-

чаешь сердце. Ты поступалъ бы съ своими ближними такъ , какъ этакъ хозяинъ , а можешь быть и хуже , если бы продолжалъ думать по прежнему. Какъ гнусень долженъ быть этакъ человекъ въ глазахъ твоихъ ! — —

Ты говоришь правду, Христіанъ! Ахъ! я стыжусь самого себя. Прежде никогда не повѣрилъ бы я, что несправедливо ненавидѣть иновѣрца, и что отъ того можно сдѣлаться такъ злобнымъ.

Подумай только, что вышло бы, если бы одни единовѣрцы ненавидѣли и гнали другихъ иновѣрцовъ? — Вѣчная война между людьми. Жаль, что не знаешь Истории и не можешь читать! Какъ скоро

придемъ на мѣсто, по спану по праздникамъ чипать шебъ Исторію, и ты услышишь такія жестокости, что волосы будутъ спановишься у тебя дыбомъ. Но между тѣмъ думай всегда такъ: естѣли бы я былъ попъ, кого преслѣдую; естѣли бы невѣрной меня ненавидѣлъ такъ, какъ я его ненавижу; то каково мнѣ было бы терпѣть такую несправедливость?

Разговаривая такимъ образомъ, продолжали они путь свой, и на другой день пришли въ попъ городъ, въ кошорой отправились. По щаспію случилось, что они оба нанялись къ одному хозяину. Христіанъ всѣ свободные часы свои употреблялъ на образованіе своего друга, а Мишель былъ по-

няшливъ и послушенъ. Въ короткое время научился онъ читать и писать, просвѣтилъ свой умъ и образовалъ сердце; оно стало такое, какое должно быть у добраго, кропкаго Христіанина. Спустя нѣсколько времени, написалъ онъ къ своему отцу слѣдующее письмо:

Любезный родитель!

„Тѣ, кои вамъ сказывали, что всѣ ерешики суть опасные и злые люди, сказывали неправду. Хоть и у нихъ есть злые, какъ и у насъ, но я нашелъ между ими истинно добродѣтельныхъ. Товарищъ мой, съ которымъ я сюда пріѣхалъ, Люперанинъ, но самой лучшей человѣкъ, самой лучшей мой другъ. Ему я обязанъ шѣмъ,

что могу теперь читать и
 писать къ вамъ, и мыслю го-
 раздо основательнѣе. О! я ни-
 когда не писалъ бы къ вамъ,
 да и не смѣлъ бы сказать, какъ
 я былъ глупъ и до чего дово-
 дилъ меня прежній образъ мы-
 слей; стыжусь самаго себя, ко-
 гда о томъ подумаю. Чѣмъ до-
 лѣе живу здѣсь, тѣмъ болѣе
 нахожу людей хорошихъ; они
 такъ ласковы, такъ услужли-
 вы, дѣлающъ своему ближнему
 столько добра — право не лѣзя,
 не лѣзя не любить ихъ! Но
 не бойтесь, батюшка, чтобы
 меня когда нибудь оболъспили
 и сдѣлали опустникомъ опъ.
 Вѣры; напрошивъ того имъ
 очень пріятно, что я часто
 хожу въ церковь и съ благого-
 вѣніемъ молюсь Богу. Они вы-
 говаривали мнѣ, что я не пер-
 цю иновѣрцевъ, и учили меня

любить всякаго человека. Богъ вездѣ съ добрыми, а злой не найдетъ Его и въ своемъ храмѣ, такъ говорятъ они, и я вѣрю. Увѣдомьте меня, бабкушка, о своемъ здоровьѣ, и благодарите со мною Бога, что я живу хорошо.“

Францъ, получивъ письмо отъ сына, спѣшилъ къ сосѣду дабы прочесть оное. Онъ поблѣднѣлъ отъ страха, упалъ на полъ и началъ горько плакать. Боже мой! кричалъ онъ: Ты оставилъ моего сына! Малой сдѣлался Люпераниномъ! все теперь пропало!

Спустя нѣсколько недѣль, Мишель получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Сынъ мой!

„Что ты сдѣлалъ? Ты не слѣдовалъ моимъ совѣтамъ, за-

былъ мои наспавленія, за-
 былъ, можетъ быть, и Бога.
 Письмо швое гонитъ меня во
 гробъ. Я нѣсколько дней уже
 не встаю съ постели, и есѣ-
 ли хочешъ увидѣть своего ош-
 ца, то прїѣзжай поскорѣе.
 Лучше бы мнѣ не оппускалъ
 тебя, нежели дожишь до ша-
 кихъ мученій. Сосѣдъ мой и
 Опець - Клаузнеръ говоряшъ,
 что ты непременно попадешъ
 въ адъ, есѣли не ошспанешъ
 ошъ Люперанъ. Къ Священ-
 нику я не ходилъ, потому что
 прежній умеръ, а вмѣсто его
 прислали къ намъ изъ города
 молодаго, которой совсѣмъ не
 по насъ. Не вѣрь ерешикамъ;
 они ядовишы, какъ змѣи. Какъ
 скоро получишь сіе письмо, то
 ошправляйся какъ можно ско-
 рѣе — или не заспанешъ меня

въ живыхъ. Прощай! да будетъ на тебѣ благословеніе Божіе!“

Мишель, прочитавъ сіе письмо, залился слезами. Онъ тотчасъ бросился къ своему другу; сей совѣтовалъ ему исполнить опцовское желаніе. Не теряй времени, говорилъ Христіанъ: ты не знаешь, какъ дороги всякому опцу тѣ минушны, когда онъ бываетъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Выведи его своимъ скорымъ послушаніемъ изъ тѣхъ мучительныхъ сомнѣній, какія онъ о тебѣ имѣетъ; лично ты лучше увѣришь его, что онъ ошибается.

Трогательно было прощаніе двухъ честныхъ друзей; казалось, что они навсегда разлучались. Мишель отправился въ путь съ горестію и нѣко-

порымъ предчувствіемъ въ серд-
цѣ. Онъ шелъ печально и пи-
хо, и въ продолженіе двухъ
дней не могъ перейти болѣе
пяши миль. На третій день
оспановился онъ въ одной корч-
мѣ, съ намѣреніемъ переноче-
вать въ ней; здѣсь непріяз-
ненная судьба положила пре-
граду его шествію. Тогда былъ
праздникъ, и корчма была на-
полнена пьющими людьми. Ми-
шель разположился въ углу на
самомъ заднемъ столѣ, и сидѣлъ,
повѣся голову. Двое вербовщи-
ковъ, которые подстерегали
здѣсь людей, скоро его замѣ-
тили и почли за какого нибудь
несчастливца. Одинъ изъ нихъ
попчасъ завелъ съ нимъ
разговоръ, началъ его обо-
дряшь и развеселять разными
шутками, и такимъ образомъ
не отскакивалъ отъ него. Ми-

шель не подозрѣвалъ ничего худаго, совсѣмъ не считалъ его шѣмъ, что онъ былъ, и принималъ его за какогонибудь весельчака, копорой не знаетъ никакихъ заботъ и печалей, — и по тому не скучалъ имъ. Они ѣли, пили и веселились до полуночи; а на другой день Мишель былъ скованъ и отправленъ въ полкъ.

Прошли двѣ недѣли, Христіанъ напрасно ожидалъ извѣстія отъ своего друга, копорой при прощаньѣ обѣщался увѣдомлять его обо всемъ; напрасно также и пресстарѣлый отецъ ожидалъ своего сына. Ахъ! возклицалъ онъ въ своей скорби: они совсѣмъ его опутали! онъ не уважаетъ отца — вѣроломный забудетъ и Бога!

Францъ написалъ опять къ своему сыну, и усиленно просилъ его къ себѣ. Но какъ испугался Христіанъ, когда хозяинъ далъ ему прочесть письмо, изъ котораго узналъ онъ, что Мишель не дошелъ еще до опцовскаго дому. Конечно несчастный, думалъ Христіанъ, попался въ руки разбойниковъ и умеръ. Онъ проливалъ о немъ горькія слезы. О п п и с а л и къ опцу, что знали; это еще болѣе огорчило спарика: онъ положилъ на-вѣрное, что обманывающъ его и держащъ сына въ сѣтяхъ оболъщенія. Горестъ день ото дня болѣе снѣдала Францово сердце,—онъ приближался ко гробу.

Также и Христіанъ поперялъ прежнюю свою бодрость и веселость; уныніе овладѣло его душою. Онъ сполько лю-

Часть IV.

I

билъ своего друга, что не могъ быть спокоенъ при неизвѣстной его участи.

Спустя нѣсколько времени, оставилъ онъ своего хозяина, и пошелъ опять странствовать.

Однажды Францъ пошелъ въ ближній городъ купить кожи; сей городъ опустоялъ опъ мѣста его жилища на день пути, слѣдовательно на другой же день онъ возвращался назадъ. Уже былъ вечеръ, а Францу оставалось идти еще нѣсколько часовъ. Дорога вела черезъ глухой и частой еловой лѣсъ, копорой слабо освѣщали блѣдные лучи мѣсяца. Францъ читалъ молитву — это обыкновенно онъ дѣлалъ въ дорогѣ — и спѣшилъ, сколько позволяла ему старость и дряхлость.

Вдругъ нашелъ онъ на такой предметъ, копорой въ одно время возбудилъ въ немъ ужасъ и жалость: предъ нимъ лежалъ простертъ человекъ, копорой опъ ранъ и опъ множеству вытекшей крови едва имѣлъ видъ человѣческой. Спарикъ всплеснулъ руками, и не зналъ, что дѣлать. Къ щастію увидѣлъ, что къ нему кто-то подходитъ; это былъ крестьянинъ изъ ближней деревни. Францъ попросилъ его помочь снести этого человека; оба они, поднявъ несчастнаго, понесли его къ жилищу крестьянина, копорое было недалеко. Здѣсь Герберъ досталъ телѣгу, и вмѣстѣ съ крестьяниномъ привезъ его въ свое селеніе.

Сей несчастный былъ Христіанъ; на него напали въ этой

сторонѣ разбойники, и всего изрѣзали. Францъ не щадилъ ничего, помогая Христіану. Наконецъ на пятый день былъ онъ въ состояніи сказать нѣсколько словъ. Францъ позвалъ Паспора.

Христіанъ открылъ Священнику свою Вѣру, покался во грѣхахъ своихъ, и искалъ у него утѣшенія. Узналъ и Францъ, кто былъ его несчастной госпѣ; и слово: Лютеранинъ, поразило его какъ громомъ. Вся чувствительность, все человѣчество изпребились вдругъ изъ его сердца, и мѣсто ихъ заняли изувѣрство и ненависть къ людямъ. Послику не было въ шѣхъ мѣстахъ никакой госпитали, и никто не хотѣлъ принять къ себѣ больного — ибо все, казалось, ра-

довались, что сіе бремя пало на плечи Францовы — то Герберъ былъ столь безчеловѣченъ, что вынесъ умирающаго на улицу и заперъ опъ него домъ свой. Одинъ спарой бѣдной поденьщикъ, которой кормился то работою, то милоспынею, проходя мимо, взялъ выброшеннаго въ свою хижину.

По прошествіи нѣсколькихъ дней явился Мишель, и съ возпоргомъ радости бросился въ объятія опца своего. Онъ разсказалъ ему о своей несчастной участи, копорая возпрепятствовала ему придти ранѣе, и всю свою испорію до того случая, когда онъ принужденъ былъ сдѣлаться солдатомъ. Слава Богу! возкликнулъ Францъ: что Онъ опять возвратилъ мнѣ сына; тебѣ не

должно теперь осматривать меня; я уже думалъ, что Люперане. . . . О, нѣтъ! думайте объ нихъ лучше! прервалъ Мишель: я имъ всѣмъ обязанъ; что я большому научился, что сдѣлался умнѣе и справедливѣе, даже, что вы меня теперь видите — этимъ обязаны мы Люперанамъ. Меня заключили между высокими стѣнами; за каждымъ шагомъ моимъ присматривали. Тогда познакомился я съ однимъ ремесленникомъ, котораго доброе сердце пронулось моимъ несчастіемъ. Онъ давалъ мнѣ работу, иначе, можетъ быть, умеръ бы я съ голоду, и любилъ меня какъ сына. Я познакомился съ дочерью его, полюбилъ ее и былъ самъ любимъ. Отецъ, одобряя нашу любовь, выкупилъ меня, и сколько имѣлъ ко мнѣ довѣрен-

ности, что оппустилъ на
 честное слово. — Въ самомъ
 дѣлѣ, сказалъ изумленный
 Францъ, они сполько сдѣлали
 тебѣ добра? Ахъ! начинаю раз-
 каяваться. — Что такое, ба-
 птюшка? что вы хошите ска-
 зать? — Тутъ Францъ расска-
 залъ своему сыну, какъ онъ
 поступилъ съ Христіаномъ.
 Боже мой! вскричалъ Мишель:
 какъ могли вы это сдѣлать?—
 Мишель тотчасъ побѣжалъ ос-
 вѣдомиться о больномъ, на-
 шель его, и въ немъ нашель—
 своего друга Христіана. Какая
 радость! какое замѣшатель-
 ство! — О другъ мой! про-
 спишь ли ты отцу моему? ска-
 залъ сынъ Францовъ, и залил-
 ся слезами. — Христіанъ по-
 жалъ у него руку, и крошкая
 улыбка появилась на устахъ
 его. Ты все еще мало меня зна-

ещь, сказалъ онъ: отецъ твой сдѣлалъ мнѣ добро; не онъ, но невѣжество поступило со мною жестоко. Мнѣ больно только то, что онъ все еще ненавидитъ меня, что я долженъ умереть, не взявъ съ собою любви и дружества его. Пусть онъ придетъ ко мнѣ!

Францъ съ рабостию и стыдомъ подошелъ къ бѣдному одру, на которомъ лежалъ Христіанъ. Сей, съ крошкимъ и ласковымъ видомъ взявъ его за руку, сказалъ ему: Чувствую, что мнѣ не долго останется жить; позволь еще поблагодарить тебя за твою любовь. Ты человекъ доброй; но слѣпая ревность сдѣлала пристрастнымъ мое сердце. Не откажи несчастному, который готовился къ смерти, въ одной прозѣ-

бѣ — — въ послѣдней его прозвѣ-
бѣ: забудь, что я не одной съ
тобою вѣры, и перестань не-
навидѣть людей невинныхъ,
которые никакого оскорбленія
тебѣ не сдѣлали, кромѣ того,
что думающъ иначе! Люби вся-
каго человѣка, дѣлай добро вся-
кому, не спрашивая, какой онъ
вѣры! Мы всѣ братья. Францъ,
проливая слезы, закрылъ рука-
ми лицо отъ стыда и замѣн а-
пелства. Какимъ былъ я чу-
довищемъ! вскричалъ онъ: —
для чего теперь только узналъ
я свое заблужденіе!

Дай руку, сказалъ слабымъ
голосомъ изнемогшій отъ спра-
даній своихъ Хриспіанъ: дай
руку, добрый человѣкъ! Теперь
умру съ радостію, умру до-
вольнымъ своею судьбою, сколь-
ко она ни плачевна: я во гробъ

несу радость о такой побѣдѣ, кошорая превосходитъ всѣ побѣды гордыхъ героевъ — о побѣдѣ челоѳчествва надъ изувѣрствомъ. Позволь мнѣ прижать умирающія успа мои къ твоимъ; пусть эполъ поцѣлуй будешь первымъ доказательствомъ любви твоей — доказательствомъ, что ты опять примирился съ челоѳчествомъ! — Любезный другъ! сказалъ онъ Мишелю: когда мы въ С. . . . съ горестію прощались, то сердца наши предчувствовали несчастіе, и намъ казалось, что въ послѣдній разъ видимъ другъ друга. Мы опять увидѣлись, и вкушаемъ неизъяснимую радость, обнимая одинъ другаго; теперь разлучаемся опять. — Не плачь, любезный, — мы разлучаемся здѣсь, и (съ выра-

зипельнымъ видомъ) увидимся
опять. — —

Это были послѣднія слова Хриспіановы. Онъ слишкомъ напрягалъ себя и лишился, опъ слабости, употребленія чувствъ. Уста его молчали, но духъ молился, носясь предъ Престоломъ Всевышняго.

По прошествіи двухъ дней скончался благороднѣйшій изъ человѣковъ; Францъ и сынъ его оплакивали Хриспіана не какъ человѣка, но какъ добраго, любимаго друга, еще болѣе — они оплакивали благодѣтельнаго Ангела.

Тѣло его оставили на волю и попеченіе Франца, ибо сное считали недостойнымъ лежать между другими мертвыми.

Это больно было Францову сердцу. Батюшка! сказалъ Мишель: вездѣ земля одна; мы найдемъ, гдѣ похоронимъ его. Христіанъ въ жизни своей не принадлежалъ къ числу людей обыкновенныхъ, — онъ былъ несказанно добръ до нихъ; онъ и въ смерти долженъ опъ нихъ опли-чаться. Это хорошо, что прахъ его не будетъ покоиться тамъ, гдѣ гниютъ вмѣстѣ глупой и мудрой, доброй и злой; боюсь, чшобъ не лежали подлѣ него кости какого нибудь плуша. Похоронимъ его, батюшка! близъ дороги; тамъ будетъ онъ у людей оставаться въ памяти, и чрезъ многіе годы служишь рѣдкимъ примѣромъ великодушія. За чѣмъ ему лежать на тѣсномъ кладбищѣ? Пусть онъ всякому будетъ попадаться на глаза, и всякой

доброй челоѡѡкѡ , проходя мимо , благословишь прахъ его !

Правда твоя , Мишель ! опѡѡчалъ Францъ : поставлю надъ нимъ мраморной памятникъ , какой позволишь сдѡлашь мое состояніе. — Хорошо ! сказалъ сынъ : а я посажу около его три высокія ели , которыя мрачною своею тѡнію будутъ осѡняшь могилу.

Еще и понынѡ надгробный камень сказываешь спраннику , кто былъ Христіанъ , какъ онъ былъ благороденъ и добръ , и какъ поступилъ съ нимъ Францъ.

Вскорѡ послѡ Христіановой смерти Мишель похоронилъ и отца своего. Для него не оставалось уже никакихъ радостей на его родинѡ ; да и

Часть IV.

К

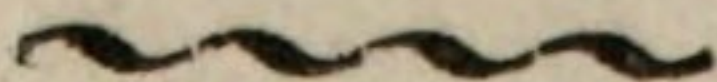
любовь съ того времени каждой день напоминала ему о словѣ, которое онъ далъ доброму человеку возвратиться назадъ. Собравъ свое имѣніе, отправился шуда, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его добрый отецъ и нѣжная, добродѣтельная дѣвушка.

Мишель провождалъ щастливые дни среди многочисленнаго семейства съ любви достойною супругою. Благословеніе Небесъ награждало его трудолюбіе; а когда онъ дѣлалъ что нибудь доброе для своего ближняго, за то Богъ воздавалъ ему съ избыткомъ. Онъ самъ написалъ свою исторію, и читалъ ее своимъ дѣтямъ. День, въ которой узналъ онъ Христіана, былъ для него годовымъ праздникомъ, и

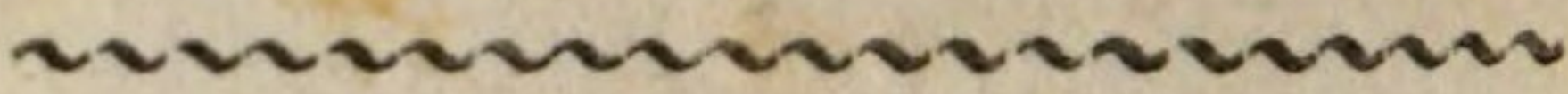

въ домѣ всѣ веселились; но когда приходилъ день его смерти, тогда Мишель былъ грустенъ, проливалъ слезы благодарности и бесѣдовалъ съ своимъ семействомъ о жалостной участи добраго Христіана.

Умирая, просилъ онъ дѣтей своихъ, во всю жизнь не забыватьъ тѣхъ наставленій, какія давалъ ему Христіанъ. Любите ващего ближняго, говорилъ онъ, и дѣлайте добро всякому, кто къ вамъ прибѣгнетъ; не питайте къ тому ненависти, кто не въ нашу ходитъ церковь мы: всѣ дѣши Ошца небеснаго!

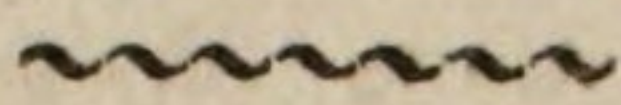

XII.

РЕМЕСЛЕННИКЪ ИВАНЪ

И

РЕМЕСЛЕННИКЪ
ФРИЦЪ.

Солнце прямо стояло надъ деревнею, поржесшвенная пишина дѣлала священнымъ знойный часъ полудня, — подъ смолистою елью, копорая оѣняла хижину Ивана, стоялъ сельскій споль, накрытый для самаго проспаго обѣда. Ремесленникъ Иванъ, сидя подъ деревомъ, вдыхалъ въ себя бальзамъ пахучей ели.

Съ душевнымъ спокойствіемъ наслаждаясь благодѣянiями Природы, довольствовался онъ умѣреннымъ обѣдомъ и любовался своими дѣтьми. Амалiя была дочь его, а Пеліръ сынъ — двое подававшихъ о себѣ хорошія надежды дѣтей, которыя услаждали дни Ивановы. Они сидѣли за столомъ пропивъ своего опца; нѣжныя ихъ ласки, дѣтская ихъ любовь, извлекали радостныя слезы изъ глазъ Ивана, который изъ глубины сердца благодарилъ Всевышняго за щасливые дни свои.

Недалеко отъ Иванова дому жилъ ремесленникъ Фрицъ, человекъ зажиточной. Онъ былъ богатъ и злобенъ. Живи для одного себя — вотъ было первое его правило. Онъ не зналъ

сердечнаго удовольствія дѣлать добро, не зналъ радости опереть слезу у несчастнаго. Зависплыми глазами смотрѣлъ онъ на щастіе всякаго человѣка, и скорбѣлъ въ сердцѣ, когда видѣлъ другаго благополучнымъ. Иные подумаютъ, что нѣтъ на свѣтѣ такихъ людей; но, къ несчастію, ихъ не мало. Мои изображенія суть копіи съ истинныхъ оригиналовъ. О! если бы никогда не существовали сіи оригиналы!

Величайшая досада Фрицева была та, что сосѣдь его Иванъ жилъ въ такомъ благополучіи. Онъ завидовалъ ему во всемъ, даже въ воздухѣ, которымъ онъ дышалъ, и въ солнцѣ, которымъ согрѣвался. Кто повѣритъ, что человѣческое сердце можетъ столько испор-

шипиться? — и однако это правда.

Онъ пишалъ самую черную злобу, самые гнусные умыслы прошивъ своего сосѣда. Какъ бы мнѣ Ваньку, говорилъ онъ: сдѣлать совершенно нещасливымъ? Не сжечь ли мнѣ у него домъ, или уморить дѣтей? — Ахъ! это бы ниче- не значило; я только себѣ сдѣлалъ бы зло; да хошя бы этого и не было, но его друзья дадутъ ему домъ другой, а горестъ о потерѣ сына со временемъ уменьшится. Нѣтъ, Фрицъ! это глупая выдумка. Дѣло это разположу поумнѣе. Фрицъ въ шопъ же вечеръ позвалъ къ себѣ споляра Фалка, копорой былъ уже опытной злодѣй. Фалкъ былъ лицомъ въ самого гнуснаго разбора. Онъ

цѣлые часы провождалъ въ церк-
вѣ, молился и — ненавидѣлъ
всякаго человѣка. Фалкъ при-
шелъ. Что тебѣ надобно,
Фрицъ? сказалъ онъ: чѣмъ мо-
гу тебѣ служить? Ты знаешь,
что первое мое удовольствіе
есть угождать ближнему.

Фрицъ. Любезный Фалкъ!
ты долженъ подати мнѣ со-
вѣтъ.

Фалкъ! Въ какомъ дѣлѣ?

Фрицъ. Ты знаешь часо-
ваго мастера Ивана; онъ мнѣ
посылѣе собаки. Мнѣ хочет-
ся вовсе разорить его. Ска-
жи мнѣ вѣрное и надежное къ
тому средство.

Фалкъ. Разорить! — это
нехорошо, это несправедли-

во. Можетъ быть онъ и самъ когда нибудь разорится, тогда мы не будемъ виноваты.

Фрицъ. Чертъ ему сдѣлается! Надобно непременно объ этомъ постараться. Скажи, какъ приступишь къ этому дѣлу?

Фалкъ. Ты просишь у меня совѣта, а моя должностъ пособишь своему ближнему. Когда же припомъ этотъ ближній ты, ты, лучший мой другъ, то могу ли опказать тебѣ?

Фрицъ. Ты дорогой человѣкъ! ты во всемъ умѣешь помочь.

Фалкъ. Конечно. Мнѣ далъ Богъ эту способностъ, но я не горжусь ею.

Фрицъ. И такъ приступимъ же къ дѣлу! Какимъ образомъ можно намъ легче погубишь его?

Фалкъ. Оборони Богъ! Погубишь! — погубишь, говоришь ты? Не думаешь ли, что я такой злодѣй, что захочу кого нибудь погубишь? — Есѣли присовѣшную тебѣ что нибудь въ эшомъ, то не для чего инаго, какъ только чѣмъ изпыташь добродѣтель Ивана. Когда мы ввергнемъ его въ бѣдноту, то подадимъ ему поводъ къ терпѣнію; когда лишимъ дѣшей, то это будетъ его пожертвованіемъ; однимъ словомъ, все, что ни вздумаешь дѣлать, должно служить къ щасію Ивана, къ исправленію его добродѣтели. Есѣли мы лишимъ его благъ временныхъ, за то воздадимъ ему

спорицею , подавъ прекрасной
случай чрезъ терпѣніе и кро-
тоспѣ пріобрѣсть блага вѣч-
ныя ; ибо все тлѣнно но семъ
свѣпѣ : суета суетъ , и всяче-
ская суета. —

Такъ говорилъ злѣйшій изъ
лицемѣровъ , и адова печать
видна была на лицѣ его, когда
онъ говорилъ. Мы женимъ Ива-
на , продолжалъ Фалкъ : онъ
уже десять лѣтъ вдовцомъ ; а
для него болѣе всѣхъ годилась
бы моя набожная Каперина.
Она молился по цѣлому дню и,
кромѣ небольшой брызгливости,
въ ней не чего похулить. Ру-
чаюсь , что сестра Каперина
будешь подавать добруму Ива-
ну всѣ возможные случаи ук-
рѣпляться въ добродѣтели и
дѣлаться совершеннѣе. Если
Каперина сдѣлается Ивановою

женою, то онъ не будешь и-
мѣшь нужды ни въ поспяхъ,
ни въ другихъ эпипиміяхъ; все
это найдешь онъ въ своей лю-
безной супругѣ, которая бу-
дешь самымъ исправнымъ бичемъ
для его шѣла, духа и воли.
Досада и нерадѣніе скоро дове-
душъ Ивана до худыхъ обсто-
ятельствъ, и намъ ничего не
останется дѣлать, какъ толь-
ко опияшь у него дѣшей. Дочь
мы выдадимъ за-мужъ, а сына
Петра отошлемъ въ монастырь;
тогда Иванъ останется безъ
всякой подпоры, и скоро сдѣ-
лается такъ убогъ, какъ Іовъ.

Прекрасно! превосходно!
отвѣчалъ Фрицъ, и обнялъ зло-
дѣя.

Съ сего времени Фрицъ
спалъ осыпаяъ Ивана ласками,

посѣщая его почти каждой день. Добродушной Иванъ , который судилъ о людяхъ по своему сердцу , думалъ , что онъ и въ самомъ дѣлѣ другъ его. Не подумавъ хорошенько , онъ послѣдовалъ его совѣту, отдавъ замужъ любезную дочь свою, женился на злой Каперинѣ , и принудилъ пойти въ монастырь весьма надежнаго сына , котораго всѣ прозѣбы и представленія были напрасны. Какъ скоро Пётръ былъ постриженъ , то извергъ челоуѣчества обнаружилъ себя предъ добрымъ Иваномъ ; но сей поздно уже узналъ самый гнусный планъ челоуѣческой злости.

Бѣденъ и злополученъ сдѣлался Иванъ , и не имѣлъ ни помощи , ни утѣшенія. Злая Каперица каждой часъ его жизни оправляла горестію ;

Часть IV.

Л

съ печали и отъ бѣдности онъ приближался ко гробу, подобно распѣнію, увядающему въ холодные дни осени.

Фрицъ воспоржеспвовалъ надъ Иваномъ ; но Богъ защищаетъ праведныхъ и одна минута уничтожаетъ всѣ козни злодѣя, которыя готовилъ онъ нѣсколько лѣтъ. Фалкъ былъ первой, которой почувствовалъ мщеніе Небесъ. У самого олшаря, гдѣ онъ лежалъ ницъ предъ святынею, пораженъ былъ громомъ. Лукавое сердце его превратилось въ пепель, и тѣло сдѣлалось черно, какъ душа его ; но губы его остались неповрежденными, какъ будто бы Богъ хотѣлъ чрезъ сіе сказать : „Злодѣй! ты чшилъ Меня устами, но сердце твое не учаспвовало въ

эпомъ.“ Катерина сдѣлалась больна и умерла. Въ опчаяніи кончила она послѣдніе часы жизни своей; ибо призналась, что нѣсколько лѣтъ была гнусною лицемѣркою и наложницею Фалка. Фрицъ, женивъ своего сына, принялъ къ себѣ въ домъ самую негодную невѣстку. Она совершенно развратила сердце сына его, и поступала жестоко съ своимъ свекромъ, котораго часто въ самую суровую зиму не пускала домой, такъ что онъ принужденъ бывалъ искашь ночлега у сосѣдей.

Однажды вылъ онъ опъ холоду, какъ собака; никто не сжалился надъ нимъ, никто, кромѣ Ивана, которой въ полночь долженъ былъ встать, впустилъ къ себѣ несчастнаго

Фрица и раздѣлишь съ нимъ постелю. Ты мнѣ сдѣлалъ зло, сказалъ онъ: а я плачу тебѣ добромъ. Ты человекъ, какъ и я; тебя надобно простишь. — Фрицъ чувствовалъ праведное наказаніе Небесъ, и съ терпѣніемъ сносилъ судьбу свою, а Иванъ часто подкрѣплялъ и ободрялъ его.

Бѣдной Иванъ, будучи равнодушень въ своемъ несчастіи, простилъ врага своего; но спалъ неутѣшенъ, когда получилъ извѣстіе, что сынъ его Пепръ, нареченный въ монастырь Алфонсомъ, оставилъ свой санъ и ушелъ изъ святыхъ мѣстъ. Его вездѣ искали, но тщетно. Иные говорили, будто бы онъ умертвилъ себя, да и въ самомъ дѣлѣ нашли одѣяніе его на берегу Дуная. Другіе говорили,

будто бы онъ бѣжалъ въ Швейцарію и перемѣнилъ тамъ овою Вѣру.

Иванъ горько плакалъ при возпоминаніи о своемъ сынѣ. Боже всесильный! возклицалъ онъ: я одинъ виновникъ его несчастія, — я его принудилъ принять сей санъ прошивъ желанія его; всѣ его представленія были тщетны, и онъ сдѣлался жертвою моего своенравія. О сосѣдъ Фрицъ! сколько ты причинилъ мнѣ бѣдъ! Но Богъ простишь тебя! — — Не проходило ни одного вечера, въ которой бы Иванъ не плакалъ; луна никогда не освѣщала деревни блѣднымъ своимъ свѣтомъ безъ того, чпобы слезы не блиспали на щекахъ Ивановыхъ. Вскорѣ услышалъ онъ другую печальную вѣсть, что

дочь его умерла, ибо она была крайне несчастлива своимъ замужствомъ. Благодарю Бога! возклицалъ онъ: что тебя нѣтъ на свѣтѣ, несчастная женщина! О! есѣли бы Небо скорѣ насъ соединило! Съ сего времени Иванъ примѣтнымъ образомъ приближался ко гробу; онъ совсѣмъ оставилъ свою работу; крайняя бѣдность ожидала его въ старости. Убѣгая людей, скрылся онъ въ хижинѣ, и нигда болѣе не выходилъ изъ нея, кромѣ сада своего, который посѣщалъ по вечерамъ. Тамъ сдѣлалъ онъ два небольшие кургана въ память своихъ дѣтей, осыпалъ ихъ каждой день цвѣтами и проливалъ надъ ними слезы. Однажды, когда онъ отправлялъ память по своимъ дѣтямъ, увидѣлъ стоящаго предъ собою человека сре-

днихъ лѣтъ. Видъ его былъ
чеспень, но скорбь и несчастія
обезобразили лице его. Сей че-
ловѣкъ со вниманіемъ смотрѣлъ
на бѣднаго Ивана, и ручьи слезъ,
текущіе изъ глазъ его, оро-
шали одинъ курганъ. Клопы,
доброй человѣкъ? спросилъ
Иванъ: какой случай привелъ
тебя сюда? — Я несчастный,
отвѣчалъ незнакомецъ: и ищу
несчастныхъ, чѣмбы, раздѣляя
съ ними горесть, нѣсколько
утѣшилъ себя въ своей судь-
бинѣ.

Иванъ. Да кто же ты?
какъ тебя зовутъ?

Незнакомецъ. Не спраши-
вай меня ни о званіи, ни о име-
ни; ты видишь предъ собою
человѣка, котораго зовутъ Гоп-
либомъ, и которой желаетъ
тебѣ добраго здоровья.

Иванъ. Мнѣ ?

Незнакомецъ. Такъ, тебѣ. Ты часовой мастеръ Иванъ?

Иванъ. Такъ точно. Да что тебѣ надобно?

Незнакомецъ. Хочу служить тебѣ. Я также часовой мастеръ, разумѣю свое мастерство и, помогая тебѣ въ работѣ, желаю поправить твое состояніе.

Иванъ. Добрый человекъ! твое намѣреніе хорошо; но ты не можешь пособить мнѣ въ бѣдности. Я такъ убогъ, что не въ состояніи плашиться тебѣ за работу.

Незнакомецъ. Не желаю отъ тебя плаши, буду рабо-

пашь даромъ ; а чшобы было чѣмъ намъ жить, въ эшомъ положись на меня. Не опойду отъ тебя до шѣхъ поръ, пока умру.

Иванъ не зналъ, что дѣлашь съ симъ спраннымъ человекомъ. У Гоплиба было нѣсколько сошъ гульденовъ, которые далъ онъ своему хозяину на покупку нужныхъ инструментовъ и на пищу. Онъ работалъ день и ночь, и въ короткое время пощаспливилось ему поправить Ивановы обшпельства. Со всѣхъ сторонъ получалъ онъ работу ; ибо во всемъ околоскѣ не находилось такого искуснаго масшера, какъ былъ Гоплибъ. Иванъ любилъ его, какъ своего избавителя, а Гоплибъ любилъ Ивана, какъ своего опца ; благо-

словеніе Небесъ было надъ ними. Во всей споронѣ удивлялись сему рѣдкому чловѣку. Онъ жилъ презво, былъ трудолюбивъ и прилѣжно молился Богу, такъ что всѣ называли его благочеспивымъ Гоплибомъ. Ввечеру, послѣ работы, рассказывалъ онъ своему хозяину поучительныя исторіи, утѣшая его въ претерпѣваемыхъ имъ несчастіяхъ и въ потерѣ дѣшей. Часто замѣчалъ Иванъ, что Гоплибъ выпускалъ тяжкой вздохъ, когда доходила рѣчь до Алфонса, которой ушелъ изъ монастыря, и что иногда наворачивались у него слезы, когда Иванъ произносилъ слова: но послушай, Гоплибъ! моему Алфонсу не должно бы дѣлать мнѣ такого посрамленія. — Кто можетъ видѣть сердце чловѣческое? часто го-

ворилъ Гоплибъ: можешъ бытъ,
Алфонсъ не заслуживаетъ ва-
шихъ упрековъ. Но оставимъ
его въ покоѣ.

Цѣлая десятъ лѣтъ жилъ
Гоплибъ у Ивана, и мастеръ
Иванъ совершенно поправился.
Теперь ты не имѣешь во мнѣ
нужды, сказалъ Гоплибъ: мнѣ
должно тебя оставить. Оспа-
вишь, мой избавишель! отвѣ-
чалъ Иванъ, и упалъ къ нему
на шею.

Гоплибъ. Не съ тѣмъ оста-
вишь, чѣобы жишь въ другомъ
мѣстѣ — нѣтъ! не такимъ об-
разомъ; но я предчувствую
конецъ моей жизни. Иванъ упо-
треблялъ всѣ усилія, чѣобы
отвлечь своего Гоплиба отъ
мрачныхъ воображеній; но Гоп-
либъ не становился спокойнѣе.

Поди въ городъ, сказалъ
 Иванъ: отнеси Графу Розен-
 шильду эти прекрасныя часы
 твоей работы. Останься на
 нѣсколько дней въ городѣ и
 отдохни тамъ. Гоплибъ по-
 несъ часы въ городъ; но на дру-
 гой же день возвращался домой.
 Тогда уже смеркалось, когда
 онъ подходилъ къ лѣсу; на-
 ступила мрачная ночь, когда
 дорога привела его въ средину
 дубравы. Углубившись въ раз-
 мышленія, шелъ Гоплибъ сво-
 ею дорогою, какъ вдругъ услы-
 шалъ жалостной крикъ людей,
 просящихъ помощи. Гоплибъ
 прибѣжалъ на шумъ, и увидѣлъ
 при свѣтѣ нѣсколькихъ факе-
 ловъ, что разбойники остано-
 вили коляску, и одна прекра-
 сная женщина лежала безъ
 чувствъ на рукахъ одного изъ

злѡдѣевъ , копорой щилъ ее въ спорону. Гоплибъ , бросясь на дерзкаго, повергъ его на землю и спасъ госпожу. Онъ съ бѣшенствомъ сражался съ убійцами , и обрашилъ ихъ въ бѣгство , хопя самъ смертельно былъ раненъ изъ пистолеша.

Госпожа была дочь Графа Розеншильда, копорую любилъ онъ несказанно. Графъ щасъ взялъ съ собою раненаго , и привезъ его въ свой замокъ , гдѣ пекся объ немъ , какъ о своемъ избавишелѣ. Однакомъ всѣ старанія были щепны ; рана была смертельна. Гоплибъ чувствовалъ приближающуюся смерть, и просилъ Графа , щобы приказалъ позвать къ нему часовщика Ивана , хозяина его. Иванъ пришелъ и

Часть IV.

М

приблизился съ шрепешомъ къ бѣдному Гоплибу.

Сядьте, сказалъ Гоплибъ: и выслушайте меня. Уже близокъ конецъ моей жизни, и роль моя кончилась на здѣшнемъ театрѣ. Я Алфонсъ, вашъ сынъ, я попъ, копорой ушелъ изъ монастыря, не изъ вѣпренности, не изъ ненависти къ монашескому сану, но изъ любви къ опцу. Я зналъ, сколько жалко было ваше положеніе, и не нашелъ другаго средства помочъ вамъ. Гласъ Природы пробудился въ моемъ сердцѣ; я чувствовалъ святость заповѣди любить своихъ родителей: и такъ уже ли долженъ былъ ославить васъ на произволъ судьбы? Я лучше хотѣлъ въ глазахъ свѣта носить имя

клятвопреступника и бѣглеца, нежели пренебречь обязанности сына къ самому лучшему изъ опцовъ. Проспите мнѣ, еспѣли я погрѣшилъ. Опдайте это письмо моему Наспоятелю, и не лишите меня предъ концемъ жизни вашего родительскаго благословенія!

Иванъ обнялъ своего сына и чувство нѣжнѣйшей любви было послѣднимъ чувствомъ добраго Алфонса. Графъ Розеншильдъ, копорой былъ при семъ прогашельномъ явленіи, увѣрялъ добраго Алфонса, что онъ наградитъ и возьметъ на свое попеченіе опца его Ивана. Алфонсъ поблагодарилъ Графа и уснулъ сномъ праведнаго. Письмо, которое написалъ къ Наспоятелю монастыря, было слѣдующаго содержанія:

„Простите мнѣ , почтен-
 „нѣйшій отецъ, такое прегрѣ-
 „шеніе , въ кошоромъ оправды-
 „ваетъ меня сердце , хопя
 „свѣтъ и проклиняетъ меня.
 „Отецъ мой находился въ опа-
 „сности ; не оставалось друга-
 „го средства спасти его , кро-
 „мѣ сего. Тѣло мое хопя и
 „оставило вашъ монастырь, но
 „душа всегда пребывала съ ва-
 „ми. Я не пересталъ быть
 „инокомъ и исполнять должно-
 „сти своего сана , исполняя
 „священнѣйшія обязанности че-
 „ловѣческа, обязанности дѣш-
 „ской любви. Но еспьли я су-
 „дилъ неправильно , еспьли
 „лучшее мое намѣреніе было
 „преступно : то проси мнѣ ,
 „брація! какъ прощаетъ Топъ,
 „Кто правитъ сердцами чело-
 „вѣковъ !“

Графъ Розеншильдъ похоронилъ Гошлица, и воздвигнулъ въ память его пирамиду. Иванъ жилъ у него спокойно, и умеръ въ глубокой старости. Но злобный Фрицъ понесъ тяжкое наказаніе отъ правосуднаго Бога: онъ спалъ нищимъ, сдѣлался убійцею своего сына, и въ опчаяніи кончилъ жизнь на эшафотѣ.

К О Н Е Ц Ъ.

Bayerische
Staat bibliothek
München

Eckartshausen, Carl <<von>>,

Terpimost' i čelověkoljubie [izobražennyja v trogatel'nych pověstjach]

Bd.: 4

Moskva 1817

P.o.germ. 2097 c-4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10130178-3